

ГАЛИНА РОМАНОВА

ЧУЖАЯ ЖЕНА — ПОТЕМКИ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Чужая жена – потемки

«ЭКСМО»

2011

Романова Г. В.

Чужая жена – потемки / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2011 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-53405-0

У всех есть ошибки молодости, грехи, о которых хочется навсегда забыть и никогда не вспоминать. Но что делать, если ты по глупости и наивности засадила за решетку невинного человека? Как с этим жить дальше? Вот и Дина Игнатова пыталась ответить на эти вопросы. Много лет назад в подворотне родного дома убили ее бывшего поклонника. Дина видела только спины нападавших хулиганов и слышала парочку фраз, но указала следователю на своего одноклассника Даниила Кузьмина. Теперь же ее гложут сомнения, а был ли реальным убийцей Даниил, или он попал в тюрьму по ее вине. Все это мешает ее благополучной и размеренной жизни. Дина с опаской и сомнениями ждет своего личного врага, у которого скоро закончится срок заключения. Он явно захочет провести бывшую одноклассницу и превратить жизнь Дины в самый настоящий кошмар. Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-53405-0

© Романова Г. В., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	27
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Галина Романова

Чужая жена – потемки

Глава 1

Удобный шезлонг, в котором он теперь нежился под полуденным майским солнцем, стоял в центре аккуратно выстриженной лужайки. Лужайка имела форму эллипса и была обнесена живой изгородью, удачно скрывающей ее от остальной части усадьбы. Усадьба вмещала в себя двухэтажный дом с подземным гаражом, асфальтированную площадку с баскетбольным кольцом, качели под навесом, цветочные клумбы, крохотный пруд со скупой фонтанирующей в его центре струей воды, стоянку для машин, беседку, очаг, в котором часто, да и теперь тоже, готовилось мясо.

Было очень тесно среди всего этого. Ему было очень тесно там, за пределами очерченного кустарником эллипса. Тут он чувствовал себя уютнее, ему было просторнее и спокойнее. Может, потому, что жена не любила продирается сквозь колючие заросли и у него появлялась шикарная возможность побыть одному? А может, потому, что и тесть с тещей не любили эту крохотную лужайку? Не любили, не понимали его привязанности к этому скромному зеленому пятнышку и без конца истошно вопили с участка:

– Владик! Владик, иди к нам! У нас тут такое...

Что там такое, он безошибочно угадывал даже на расстоянии. Научился угадывать за четыре года общения с ними. Либо кусок мяса выпал из решетки и обугливался теперь, сделавшись бесполезным. Либо супруга тестя, то есть, по-хорошему, его теща, запорошила глазик пеплом, и срочно требовалось впрыснуть туда лекарство, а руки чистые были только у него.

Чистые руки...

Господи, как он гордился своей незапятнанностью ничем еще каких-то пять-шесть лет назад. Он уважал себя, и это много стоило! Мало этого, он уважал свои поступки, надиктованные ему воспитанием, мировоззрением, его принципиальностью. У него всегда были чистые мысли, чистые руки. И не потому, что он любил восклицать: «Все, господа, я умываю руки!» Нет! Этот возглас он всегда считал проявлением трусости. Позиция таких людей, как правило, бывала размытой, неопределенной и никогда ему не нравилась. Куда было проще и надежнее рук тех не запачкать. Он с этим родился, жил так долгие годы и надеялся с этим умереть в глубокой старости.

Не вышло! Ни черта у него не вышло! А виной всему стали его новые родственники, провалились бы они.

– Владик!

За его спиной послышался треск раздираемого сильными руками Алены кустарника. Не захотела обходить! С другой стороны, как раз напротив того места, где он теперь сидел, имелся аккуратно выстриженный ножницами садовника проход. Куда же было проще обогнуть лужайку, прошлепав резиновыми тапками по брусчатой дорожке, протиснуться через этот проход, сделавшийся за последний год тесным для нее. И тем не менее там-то удобнее. Зачем ломиться через колючки? Сейчас нахватает их на одежду, поцарапает руки, икры, станет ныть, упрекать его.

Влад плотно сомкнул веки, притворившись спящим. Может, пощадят его на этот раз? Может, не станут терзать, что-то от него требовать, каких-то веселых рассказов, анекдотов, не станут заставлять его подтягиваться на турнике, отжиматься прямо от пыльного асфальта? Может, проявят чудеса проницательности и поймут, что ему просто хочется побыть сейчас

одному? Посидеть, смежив веки, в тишине, пускай и относительной. Помолчать, погреться на солнышке. Да и помечтать, в конце концов! Он же живой человек, не робот.

– Влад! – Крупная ладонь Алены с силой трепанула его за плечо. – Хватит притворяться, я знаю, что ты не спишь! Идем к нам, ты нам нужен.

Но они-то ему не нужны, вот в чем загвоздка. Совсем не нужны! Ни с домами своими двухэтажными, ни с качелями под навесом, ни с очагом, на котором за воскресный день они могли изжарить целого барана. И что самое страшное – запросто могли его сожрать!

Они ему не нужны. Он им – может быть. Они ему – нет.

– Что случилось? – спросил Влад, не открывая глаз.

– Мама занозила палец! – сообщила Алена с таким придыханием, будто теще только что оторвало руку по самое плечо. – Ты должен вытащить занозу! У тебя же единственного здесь чистые руки, Влад!

Если что, занозой – огромной, постоянно беспокоящей и свербящей, размерами во всю его накачанную задницу, – была сама Алена – иногда, и ее родители – ежедневно. Но избавления от них, даже с его, пускай и не совсем теперь чистыми, руками не было. Избавления от них никакого не было.

– Вызови «неотложку», – порекомендовал он ей, все так же сидя с закрытыми глазами.

И, чтобы Алена окончательно от него отвязалась, сдвинул с пяток мокасины, поставил на них босые ступни и выразительно шевельнул пальцами ног.

– Ты что, Владик, издеваешься, да? – В голосе Алены зазвенела жгучая обида. – Ты хочешь, чтобы надо мной потешалось все местное отделение «Скорой помощи»?

– Почему, дорогая? – вкрадчиво поинтересовался он и незаметно приоткрыл левый глаз.

Ему было интересно понаблюдать за женой, растерявшейся из-за его вопроса. Он не сразу, не в первый и не во второй год их совместной жизни, угадал в ней эту неспособность живенько соображать. Будучи увлечен ее миловидной молодостью, Влад поначалу снисходительно рассматривал ее растерянность, рассеянность, непонимание. Считал тогда, что Алена просто устала или не знает, как ответить ему, чтобы не обидеть. С годами это заблуждение растаяло, как утренний туман под напором солнечных лучей. Не было никакой рассеянности и, вкупе с нею, растерянности от нежелания нанести ему жгучую обиду – была элементарная тупость, с которой Алена родилась.

В школе ее благополучно прикрывали спины влиятельных на тот момент родителей, в институте – тоже. Потом она вышла замуж за Влада, и необходимость прикрывать ее отпала. Она просто сидела дома, не работала, не рожала детей, не вела домашнее хозяйство. Она просто жила – тупо, неинтересно, как жил ее любимый неказистый цветок в керамическом горшке на подоконнике в кухне.

Цветок тот назывался как-то замысловато и красиво, но Владу он совсем не нравился. Он постоянно цеплялся тонкими колючими ветками за рукава его пиджака, за шторы. Без конца опрокидывался, из горшка просыпалась сухая земля – Алена вечно медлила с поливом. Одним словом, существование этого растения создавало для Влада массу неудобств, когда он с ним соприкасался.

Совсем как в последнее время в его жизни с Аленой...

– Почему, дорогая, ты считаешь, что станешь предметом насмешек в пункте «Скорой помощи»? – повторил Влад, не переставая следить за ней едва приоткрытым глазом.

– Слушай, Владь, прекрати вымахиваться, – надула Алена растрескавшиеся обветренные губы. – Сказать нормально можешь, нет? Предметом... Насмешек... Вынь занозу у мамы из пальца, и все! У тебя же чистые руки, а мы запачкались.

О, тут он поспорить не смог бы. Дорогие его родственники, тесть и теща – Константин Сергеевич и Алла Николаевна Иванцовы, – были людьми чрезвычайно деловитыми и предусмотрительными во всех вопросах, касавшихся обеспечения их жизненных удобств. Они

совали свои породистые носы в такие немисливо узкие щели, проникали в такие пласты мерзких пород, так суетливо и сноровисто пыхтели, потели, интриговали, что рядом с ними, просто бездействуя и наблюдая, запачкался бы даже ангел.

Ленка же при всем при этом благодатном воспитании оставалась просто дурой. Она ни во что никогда не вникала, ей было просто лень, а то и просто не понимала, что там и как обстоит на самом деле. Родителей своих она очень любила, слушала их с распахнутым ртом, кивала, соглашалась, пыталась учить Влада, как именно надо и им жить, чтобы у них все было так же, как у ее папы с мамой. Но, правда, без особой настойчивости, он бы такого не потерпел.

И он вот не хотел, как у ее папы с мамой! Он хотел жить так, как хочет он. Как считает правильным только он, ну и еще – немножко Ленка, конечно. Он не хотел собирать грязное досье на своих потенциальных врагов. Их и не было у него в принципе до недавнего времени.

Он не хотел сплетничать и интриговать, готовя благодатную почву для лоббирования своих интересов. Не хотел задаривать подарками родственников тех персон, которые когда-нибудь могли бы оказаться ему полезными.

– Чистеньким хочешь на всю жизнь остаться?! – зашипел как-то на него тесть, уличив Влада в невыполнении порученного ему дела. – Понятно! Кому же охота в дерьме копаться! Куда проще сливки снимать! Я ведь все это...

Тесть широко раскинул руки, будто пытался заключить в объятия весь свой приусадебный участок с домом, прудом, очагом, качелями и идиотской баскетбольной площадкой, на которой никто из них ни разу не забросил мяча в кольцо. Открыл рот, силясь что-то произнести, но споткнулся на полуслове, побагровел и замолчал на долгих три с половиной месяца.

Влад тоже общение с родней не инициировал. В гости к Ленкиным родителям не напрашивался. Его не звали, он не шел. А после трех с половиной месяцев бойкотирования, устав ждать извинений, Константин Сергеевич взял и подложил зятю свинью. Грязную, мерзко воняющую. То есть он просто-напросто сдал его одному из Владовых соратников.

Так, мол, и так, помнишь, тебя однажды не послали в командировку в Германию, а вместо тебя Влад поехал? Тот, конечно же, не забыл, поскольку собирался прокатиться за счет фирмы с любовницей и наобещал ей уже золотые горы. А тут вдруг – такой конфуз и все такое.

Помнишь?

Так вот, мол, это все потому, что Владик в приватном разговоре с генеральным мягко намекнул, что командировка нужна тебе лишь для плотских утех, а не для решения важнейших вопросов. И что послать нужно кого-то понадежнее и посерьезнее. И послали кого? Правильно! Самого надежного и серьезного – Влада Ковригина. А ты со своей любовницей дома диван мял перед телевизором.

Тот малый долго потом на Влада дулся и руки ему не подавал. Хорошо еще, ума у него хватило по коридорам эту новость не разносить. А то Владика в пору бы и уволиться было.

Ну, было – было такое, что уж теперь? Просто вывод для себя Ковригин сделал из всего этого весьма неутешительный: с тестем ему воевать нельзя – ни открыто, ни втихую. Сомнет, сожрет и костей не выплюнет. И плевать ему на то, что во всем, что заработано и достигнуто Владом, не было и тени заслуг самого Константина Сергеевича. Плевать! Он просто из гадкой натуры своей мог ему напастить, и все. Просто он этим всю свою жизнь благополучно занимался, и все всегда сходило ему с рук и способствовало накоплению его благосостояния. Почему он должен менять свои привычки?

Как же он устал от этого благополучного и уважаемого на вид семейства! Как устал от их достатка, которым они так идиотски кичились. Как устал от плаксивой тещи, от подлого тестя, да и от глупой Ленки тоже временами он уставал сильно.

Хотя нет, без тестя с тещей он Ленку еще бы и потерпел. Она хоть и дура, но весьма удобная дура. Не задает лишних вопросов, не лезет с советами, если не считать ее желания жить, как ее мама с папой. И выглядит совсем неплохо – блондинка с нежной кожей и огромными

голубыми глазами. Располнела за последний год чрезвычайно, так это поправимо. Он может ее запросто на тренажеры загнать, лишь бы мама с папой не лезли.

Господи, он их почти уже ненавидел!

– Владик, ну пойдем, а? – чуть тише попросила Лена и опустила перед его шезлонгом на корточки, что далось ей с некоторым трудом. – Я понимаю, они тебя достали. Меня тоже, если честно, но что делать? Мы же... Мы же все еще зависим от них. Идем, а?

Влад опешил. Опешил до такой степени, что вспотел. К лопаткам тут же прилипла клетчатая тонкая рубашка. И даже под резинками носков сделалось сыро. А солнце как раз за облака спряталось, и ветерком потянуло от прудика с чахлой струей посередине.

Он чего-то испугался или что?

Быстро, очень быстро, пока еще есть время держать глаза закрытыми, он должен проанализировать ее слова.

Неужели так заметна стала его неприязнь к ее родителям? С чего это она вдруг поняла, что они его достали? Потом, с чего они ее-то достали? Что он пропустил? Чего она недоговаривает? Тайны от него? У Ленки-то?!

Час от часу не легче! Вот про зависимость-то он согласен – попытался раз из-под тестя вылезти, получил бяку. Но это ведь ему понятно, а ей-то откуда?! Она что же, научилась мыслить или всегда умела, а притворялась дурочкой?

Интересное кино...

– Владик, – его щеки коснулась мягкая ладонь жены, пахнувшая жасмином, Ленка очень любила этот запах и каждое утро обливала себя из флакона с головы до пяток. – Идем, пожалуйста.

– Лен, – он поймал ее ладонь своей, подтянул к губам, поцеловал, потом замотал головой: – Режь меня, не пойду. Думаешь, мне приятно в ее рыхлой плоти ковыряться?! Я же не хирург, в самом деле.

– Они воспримут это как бунт, Владик, – прошептала его жена заговорщически и, кажется, хихикнула. – Ты готов?

– Почти.

Он чуть приоткрыл глаза и внимательно уставился на жену.

Она не сделалась другой внешне, конечно. Не стала тоньше, краше, глаже. Все оказалось точно таким же в ней, как этим утром, как вчерашним вечером, – чуть поблекшие обветренные губы, слегка пополневшие щеки, крохотные стрелочки морщинок от глаз. Но вот сами глаза...

Они смотрели на него по-другому! Совсем не так, как вчера вечером и сегодня утром. Не было в Ленкиных голубых глазищах привычной покорной нежности, от которой он порой уставал. Не нашлось там и обычной пустоты, бесившей его постоянно. Глаза ее полыхали азартом, вот! Столько огня он не помнил в них даже тогда, когда был отчаянно в нее влюблен.

Что стряслось? Что он пропустил?

– Ладно, милый, – она пощекотала его подбородок своим ртом и поднялась, успев прошептать перед тем, как снова скрыться за живой изгородью: – Скажу им, что ты спишь.

Теще вызвали-таки «Скорую». Медсестра – пожилая женщина в стареньком, но очень чистеньком халатике и высоком чепчике – все время, пока искала занозу и обрабатывала крохотную ранку, неодобрительно косилась на тестя, совравшего ей про сердечный приступ. Прилепила кусочек пластыря, свернула инструмент, защелкнула чемоданчик, подхватила его и шагнула к порогу.

– Стыдно, уважаемый! – вдруг не выдержала она и попеняла тестю.

– Минуточку! – мгновенно вскинулся тот и начал вылезать из глубокого кресла возле дивана, на котором распласталась в «страшных» муках его жена. – Вызов был ложным? И вам не пришлось оказывать помощь?

– Помощь-то помощи рознь, – поджала губы пожилая женщина и взялась за дверную ручку. – А вызов – да, сообщу, что был ложным.

– Только попробуй, гадина! – засвистел тесть, брызжа слюной. – Только попробуй, с работы соскочишь, не успев до больнички своей доехать!

– Господи, стыд-то какой, а еще пожилой человек, – покачала головой медсестра. – А что касается работы... А и увольняйте, не велика потеря. Сам на мое место, что ли, пойдешь, за четыре тысячи рэ в месяц? А иди! И я посмотрю, как ты станешь по вызовам метаться, таким вот...

Она с неудовольствием кивнула на тещу, обладавшую такими формами и таким цветущим цветом лица, что принять ее за умирающую смог бы только великий фантазер, и ушла тут же, не попрощавшись.

А теща что? Теща продолжила «умирать»! Весь вечер бедная Ленка носилась между кухней и ее спальней с какими-то склянками, баночками, притирками, салфетками и бинтами. Забыла даже поужинать, о чем мужу не преминула сообщить, укладываясь в постель.

– Ничего, тебе не помешает разгрузиться, – сонно пробормотал Влад и потрепал ее по полному бедру. – Лен, а может, ты в спорткомплекс походишь, а? Ты же у меня красotka просто, когда худенькая.

– А сейчас что? – Ленка приподнялась на локте, откинула одеяло, уставилась на свои пополневшие коленки, погладила живот. – Толстая, да?

– Пяток килограммчиков тебе надо бы сбросить, милая, а то и все десять. Ты же не работаешь, времени – вагон!

– Не работаю, – устало откинулась она на подушки. – Но времени нет, Владик.

– Куда же ты его деваешь-то? – искренне изумился он. – Кухней Маруся занимается, уборкой тоже она, глажка, стирка – все на ней! Что еще тебе делать? Детей у нас нет... пока.

Ленка вдруг нервно дернулась, заполошно вздохнула, будто он на нее замахнулся этими словами, словно бы рукой. Полежала тихо и вдруг отвернулась. А через мгновение он услышал, как она беззвучно плачет.

– Эй, ты что?

Он переполошился не на шутку. Если еще и Ленка отвернется от него следом за тестем и за тещей – а сегодняшнего самоуправства ему никто прощать не собирается, намеки за ужином следовали один за другим, – то тогда ему совсем худо будет. Она хоть и дуреха, но все же своя, привычная. И каким-никаким, но связующим звеном между ним и семейством Иванцовых она является. Где-то похвалит его, где-то заступится. А если еще и она надуется, ему тогда что же – расставаться с ними со всеми, да?

Нет, против расставания с тестем и тещей он ничего против не имеет, он как раз «за» двумя руками. Но вот к расставанию с Ленкой он совсем не готов.

Пылкая юношеская влюбленность, некогда подтолкнувшая его на создание семьи, конечно же, прошла. Она не может не пройти, и это закономерно. Такое случается со всеми практически. Но эта самая пылкая влюбленность как-то так очень удачно трансформировалась в приятную необременительную привычку. В привычку, с которой ему было удобно жить и менять ничего не хотелось. Во всяком случае, пока.

Ленку обижать нельзя, не следовало.

– Лен, ну прости меня, а? – заскулил Влад, наваливаясь животом ей на спину и запуская руки под ее бок, пытаясь повернуть жену лицом к себе. – Лен, ну что ты? Я же просто так сказал. Не хочешь, не ходи ты в этот спорткомплекс, черт с ним. Давай на диету сядем вместе. Я тоже не стану есть ничего такого, от чего женщины полнеют.

– Да при чем тут это?! – всхлипнула жена так горько, что у него самого в носу защипало. – Дело не в спорткомплексе, я бы с беговой дорожки не уходила, будь моя воля!

– Ну! И что тогда?

– А кто позволит-то? Кто?!

– Я! – Он все же повернул ее к себе, прижал, вытирая большим пальцем правой руки слезы со щеки. – Я твой хозяин!

– Это ты так думаешь, милый, – она уперлась лбом в его подбородок, стесняясь своего заревавшего лица. – Эти двое думают иначе.

– Кто? Родители, что ли? – он усмехнулся. – Пусть думают, что хотят. Что мы, без них не проживем?

– Не проживем, не проживем, не проживем! – зашептала она почти истерично, снова заходясь в беззвучном плаче. – Они монстры, Владик! Они чудовища!!! Я их... Я их ненавижу!

– Ленка, прекрати, – попытался он ее остановить и даже слегка шлепнул по боку. – Нельзя так о родителях. Мне они чужие люди, но тебе-то – родные.

– Будь они прокляты!!! – вдруг совершенно спокойно, без слез, произнесла она и подняла на него глаза – холодные и непривычно жестокие. – Я часто мечтаю о том дне, когда их не станет. Совсем не станет, Владик. А в последнее время я не перестаю об этом мечтать. Совсем...

Глава 2

Совещание, назначенное на девять утра, началось в половине одиннадцатого. Удивления сей вопиющий факт почти ни у кого не вызвал. Разве что у Марии Ильиничны Ражевой, заместителя начальника отдела продаж. Но ее беззвучное гневное шевеление бровями, губами, щеками и подбородком никто всерьез не воспринимал. Почти все, присутствующие в приемной, считали ее блаженной.

Марии Ильиничне было уже за шестьдесят, пенсионные грядки по ней не просто плакали, а уже очень давно и надсадно выли, но в силу ее трудолюбия, безотказности и непретенциозности ее еще держали в замах отдела. Человек старой коммунистической закалки, Ражева была кристально честна, безупречно исполнительна и совсем не понимала, как можно утром прийти на работу с опозданием на полтора часа, с тем чтобы потом на эти полтора часа вечером задержаться. Существует же график работы, так? Существуют еще правила трудового распорядка и поведения на рабочем месте. Почему же они все так... Так нагло, вопиюще нагло все эти правила нарушают? Все! Все, начиная с руководителя!

Назначено совещание на девять, так будь добр его в это время и начать. Полтора часа народ трется в приемной вокруг овального стола длинноногой блудницы Таньки, которая с усердием эти длинные ноги раздвигает раз в день перед директором, а ему и дела нет. Вышел бы, отменил совещание или хоть позвонил бы, если глаза его на людей смотреть не желают. Нет, сидит в кабинете, заперся с каким-то хрычом и никаких распоряжений насчет подопечных ему людишек не отдает.

Хоть бы уже Танька к нему зашла, задом повиляла, поулыбалась, глядишь, и тронулось бы с места бесполезное ожидание с бесполезным расходом драгоценного рабочего времени.

Так или приблизительно так думала теперь Ражева Мария Ильинична, начав уже жестикулировать в подмогу своему беззвучно шевелившемуся рту. Кто-то на нее не смотрел вовсе. Кто-то хихикал в кулачок, потешаясь над старухой – так ее за глаза называли многие. Кто-то устало закатывал глаза. Это те, кому тоже времени рабочего было жаль.

Одна Дина Игнатова поглядывала на Ражеву с сочувствием. Она ее немного понимала, а некоторые ее чувства разделяла даже на все сто. Ждать не любила потому что. Тем более так бесполезно ждать. Директора еще потому что не любила. Нет, даже не так, она его терпеть не могла. И Таньку, его подстилку, на дух не переносила.

Даже, дрянь, стулья не вытащила из зала заседаний. А могла бы! И народ вынужден стоять, подпирать стены и ждать, ждать, ждать. А чего? Очередного гневливого разноса? Так и созывать всех не было бы нужды. По телефону наорал бы. Работа к тому же стоит, а ее невпроворот. Потом сам спросит с людей за это и снова наорет.

Может, уволиться? Дина наморщила лоб, внезапно задумавшись о перспективе увольнения. Может, и правда стоит? Ее в конкурирующую компанию звали, зарплату давали в полтора раза выше. И что, если придется на дорогу тратить куда больше времени? И что, если придется жить в квартире, а не в ведомственном жилье? Подумаешь!

Да нет...

Дина со вздохом отвергла эту идею.

Подумаешь, сто раз подумаешь, прежде чем заявление на увольнение подашь. Сейчас с нее за жилье почти ничего не берут. Квартирка хоть и тесная, но зато отдельная, чистая, с хорошим ремонтом. А станет она снимать жилье, и придется половину этой хорошей зарплаты отдавать. Перспектива езды через весь город тоже не вдохновляла.

И еще было одно, из-за чего она медлила.

Анкетирование! Жесточайшее анкетирование, как при приеме в серьезные органы. И даже, болтали, тамошний директор некоторым сотрудникам предлагал пройти проверку на

полиграфе. Это что? Это же никуда ведь вообще не годится! Она же не сможет обмануть машину! Такую умную и непредвзятую. Это людям можно соврать, можно что-то недоговорить, можно промолчать и отойти в тень. С этой умной машиной и подобным анкетированием проблем ей хватит на всю оставшуюся жизнь. Она же...

Она же все равно чувствовала себя виноватой, хотя виноватой словно бы и не была.

Вспомнив события десятилетней давности, Дина помрачнела. Время икс приближалось. Оно неотступно надвигалось на нее, как страшная черная грозовая туча. И как теперь? Куда теперь? Перемена места жительства и работы не помогут. В этом она была уверена.

– Заходите, – протянула секретарша Таня, выслушав распоряжения по внутренней связи. – Сейчас начнется...

Все разом шумно выдохнули, вкладывая в ее слова совершенно иной, свой для каждого смысл.

– Явились?! – немедленно взвился руководитель, забыв поприветствовать присутствующих. Не все рассесться успели. – И что мне с вами делать прикажете? Поувольнять всех к чертовой матери?!

Дина не прислушивалась. К подобным вступлениям она давно привыкла. Переживала первые полгода, потом прекратила, поняв как-то вдруг и сразу, что этот ор вообще не может для нее иметь никакого значения, ни хорошего, ни плохого. Вот Мария Ильинична Ражева всегда переживала. И так и не научилась воспринимать утреннюю перебранку с философской стойкостью. Пускалась в объяснения, волновалась, краснела, ее никто не слушал, директор с первых же слов ее перебивал, начинал говорить с кем-то еще, а она заводилась еще сильнее. Заканчивалось все обычно при закрытых дверях, это когда все уже выходили, а она оставалась. Либо валидолом, который ей пытались сунуть под язык, если ей прямо в приемной становилось плохо.

– Игнатова! – вдруг рявкнул директор. – Все мечтаешь?!

Дина вздрогнула и оторопело заморгала. Никогда прежде ее скромной персоне ведущего специалиста не уделялось внимания. Ее обходили как похвалой, так и гневом. Неужели ее время пришло?

– Слушаю вас, Валерий Юрьевич.

Дина посмотрела на него исподлобья. Не из-за дурного настроения, в котором она пребывала с той самой минуты, как на горизонте ее жизни забрезжило страшное ненастье. А из-за того, что она просто всегда так смотрела на собеседника. Манера у нее была такая, привычка.

– Она меня слушает! – фыркнул он со злобой. – Это я тебя слушаю!

– О чем? – уточнила она, потому что он внезапно замолчал, уставившись на зазвонивший телефон на его столе.

– Замолчи! – простер он вдруг ладонь в ее сторону. Оглядел всех собравшихся. – И вы все замолчите!

Звонок был важным, очень важным. Это поняли все, даже Ражева, которой уже становилось худо, щеки у нее побледнели, а на лбу выступила испарина.

Директор вдруг начал говорить, и не говорить даже, а оправдываться, таким непривычно заискивающим тоном, он почти пришепetyвал, без конца увещевая какого-то Константина Сергеевича.

– Полноте, Константин Сергеевич, да ну вас! – с шелестящим смешком повторял Валерий Юрьевич через раз. – Да ну что вы... Да ну как можно! Да, да, да, конечно – да!..

Казалось, директор совершенно забыл о людях, которых он собрал у себя в кабинете, настолько он был поглощен беседой. И неприятной беседой, заметьте! Ему она была неприятна. Человек, висевший на проводе, наседали и наседали, его достаточно громкий голос слышали те, кто сидел по правую и левую руку от директора. Ражева точно слышала. И слышала предоста-

точно, раз на ее щеки снова вернулся румянец, испарина на лбу высохла, а глаза наполнились едким, мстительным торжеством.

Дине было плевать. Она наблюдала за всеми с отсутствующим видом, пытаясь припомнить, в связи с чем это его величество обратило вдруг на нее свое внимание? По работе был полный ажур, тут без вариантов. Таньке она на днях нахамила? Но та заслужила, дрянь такая! Что еще? Вчера вечером, уходя с работы, она наткнулась на изучающий взгляд Валерия Юрьевича. Он стоял у конторки охранника, отдавая тому какие-то распоряжения. А она как раз спускалась по лестнице. Он на нее и уставился. Начал со щиколоток, поднял взгляд к ее коленям, потом «пополз» выше, задержался на ее груди, потом на губах... Глазам женщины его внимания не досталось. И что с того? Он на всех так таращится. На всех, кроме Ражевой.

Нет, тут что-то еще было. А что?

– Понятно! Конечно, понял! Константин Сергеевич, замечано! – Подрагивающей, свободной от телефонной трубки рукой директор стукнул себя по груди, наступила тишина, трубка опустилась на аппарат, и послышался сдавленный, но все же внятный, вполне директорский шепот: – Мразота... Ох и мразота...

Тишина в кабинете воцарилась такая, что в ушах у многих зазвенело. Дина тоже напряглась. Не из-за нечаянно оброненных директором слов, а из-за того, что она вновь ждала его неприятного внимания. Но неожиданно пронесло. Зато досталось всем в куче.

– Если я узнаю, что кто-нибудь... – начал он, шумно дыша, – если узнаю, что хоть одна сволочь вынесла из этого кабинета то, что только что слышала... Пеняйте на себя!

– А то что?

Кто бы, вы думали, выступил? Ражева!

Этот божий одуванчик, еще каких-то десять минут назад готовый шлепнуться в обморок, вдруг обрел почву под ногами и смотрел теперь на предмет многих своих несчастий с вызовом, да!

– А то! – гавкнул Валерий Юрьевич и добавил чуть тише: – Пришибу, как моль... Еще вопросы есть?

Вопросов не было.

– Тогда я вас не задерживаю. Все свободны. Кроме... – его мятущийся взгляд вдруг остановился на Дине, а подрагивающий указательный перст ткнул прямо ей в лоб. – Кроме Игнатовой. Дина, останься!

Задвигались стулья, зашуршали ставшие ненужными бумаги, захлопнулись папки, потом дверь. Они остались вдвоем.

– Ты присаживайся, присаживайся, – предложил он тихо и тут же завис у нее за спиной, стоило ей опуститься на стул. – Тут такое дело...

Дина молча слушала тяжелое дыхание Валерия Юрьевича. Глаза она плотно прикрыла, считая в уме до десяти.

Если сейчас сунется к ней своими дергающимися потными руками, что она сделает? Она тогда надает ему по морде, убежит и уволится. Может, и нового места работы, куда ее настойчиво звали, ей и не видать тогда. Ясно же, что никаких хороших рекомендаций ей отсюда не получить. Но зато она останется при своих непоруганной чести и достоинстве. Это имело значение!

Ладони Валерия Юрьевича легли ей на плечи и слегка сжались.

– Не бойся меня, девочка, – хрипло обронил он. – Я не стану тебя трогать, мне Таньки достаточно.

Дина помертвела. Такой доверительный тон и откровения подобного плана явно не предвещали ничего хорошего.

– Тут такое дело... – он с грохотом отодвинул стул, тяжело сел, оперся локтем о стол, положил породистый подбородок на кулак, глянул на нее с надеждой. – Ты должна мне помочь.

– Я?! В чем?!

Помощи от нее людям было, как от дырявого зонта. Не потому, что она не стремилась быть полезной, а потому, что не получалось как-то. Все у нее не так выходило, как-то наизнанку.

– Разговор слышала?

– Разговора не слышала, – честно призналась она. – Вы что-то говорили, но... Я не вслушивалась, если честно.

– Своих проблем полно, так?

Он догадливо улыбнулся, не подозревая, как противно сжалось у нее все в животе от его улыбки.

– Приблизительно, – осторожно кивнула Дина.

– Вот и ладно. Вот и хорошо, что не слушала, – пробормотал он, погружаясь на минуту в свои мысли, но все же продолжая ее внимательно рассматривать. – Звонил один очень, очень influential и очень неприятный мне человек.

Она молча подергала плечами. Ей-то что?

– Он хочет... – начал было Валерий Юрьевич, но вдруг осекся. – Короче, не важно, чего он хочет. Важно, что я должен ему это дать. То есть отвезти ему на дачу. А у меня совсем, совсем нет времени на это. Не pomoжешь?

– Отвезти?

– Ну да. Тебе же нетрудно?

– Но у меня нет машины, Валерий Юрьевич, – напомнила Дина.

– Не страшно. Туда автобус и электричка ходят каждые полчаса. Добраться – проблем нет. Груз нетяжелый. В твою дамскую сумку влезет.

Сумку ее он вчера видел. Вязаная, объемная, с подкладкой, в нее помещалось много чего полезного, включая зонтик и бутылку молока с батоном после похода в магазин после работы.

– Это что, деньги? Он вас шантажирует? – вспомнила она вдруг заискивающий тон Валерия Юрьевича в момент его беседы с каким-то Константином Сергеевичем.

– Ой, ну почему же сразу так-то?!

Всплеснул руками и принужденно рассмеялся. И жест его тоже показался ей принужденным, будто руки его были сведены болезненной судорогой.

– Просто... Просто...

Он тут же начал на ходу придумывать объяснения, это было видно невооруженным глазом, что он выдумать что-то пытается. Но, как назло, в голову ему не лезло ничего путного. И Валерий Юрьевич счел за благо отделаться шуткой:

– Так, знаешь, долги молодости. А по долгам следует платить, так ведь?

– Так, – осторожно кивнула Дина, и снова в животе у нее заныло, напомнив о ее долгах, срок выплаты по которым приближался.

– Ну вот! – обрадованно подхватил Валерий Юрьевич, потирая ладони. – Видишь, как мы хорошо понимаем друг друга! Поможешь?

– Помогу что? Оплатить ваши долги? Долги молодости?

И тут же подумала, что ей со своими бы долгами разобраться успеть, прежде чем...

– Зачем ты так? – Валерий Юрьевич надул губы и вылез из-за стола, погулял по кабинету, с заложенными за спину руками, попытлся, потом начал уже приказным тоном: – В общем, так... Собирайся. Я черкну тебе адрес. Возьмешь сверток и отвезешь его по тому адресу, который я тебе – что?

– Черкнете, – вздохнула Дина и начала подниматься.

– Умница! Ступай, собирайся...

На сборы ей хватило пяти минут. Выключила компьютер, придвинула кресло к столу, убрала бумаги в сейф, переобулась в удобные туфли без каблуков, взяла сумку, в которую

должен был уместиться сверток Валерия Юрьевича с его «долгами молодости». И пошла в приемную.

Таньки на месте не было. И это настораживало. Она ведь могла быть теперь в кабинете босса, с задранными ногами и приплюснутой к столу спиной. Эта парочка обнаглела настолько, что уже редко запиралась. Валерий Юрьевич – старый холостяк, Таньке тоже бояться некого. Так что они не слишком-то церемонились.

Заходить или нет?

Дина постояла перед дверью директора, потрогала ручку, прислушалась. За дверью он был не один, это точно. Слышалось какое-то движение и звуки разговора. Второй голос был женским, но...

Но, кажется, это говорила не секретарша.

Заходить или нет?

Дина чуть потянула на себя дверь, та бесшумно приоткрылась.

– И чего ты теперь хочешь? Денег? – возмущенно сипя, вопрошал Валерий Юрьевич.

– Хотя бы. Но прежде всего... Прежде, чем вы мне заплатите, я требую к себе уважения.

И...

Ражева! Господи, это была Ражева, и она занималась – чем? Правильно, вымогательством. С какой такой стати? Что-то ей подслушать удалось из давешнего разговора шефа по телефону? Как-то глупо. Глупо так поступать. Мало ли о чем говорили эти двое? Мало ли что обсуждали? Может, она знала что-то еще и «присовокупила»?

Ай да Мария Ильинична! Ай да ветеран!

– И еще одно... – твердо и настойчиво произнесла тем временем Ражева.

– Ну?

– Вы возьмете на работу мою внучку. В приемную!

– Эту толстую уродину?! – ахнул Валерий Юрьевич. – Ни за что!

– Возьмете! И Коленьку возьмете!

– Хрена с два! – вскипел директор. – И пошла вон отсюда, старая гадина!

– Я-то уйду, только легче вам от этого не станет. А что касается денег... – пауза была заполнена гневным директорским сопением и легким постукиванием квадратных толстых каблуков туфель Марии Ильиничны, других фасонов она не носила. – Мне они не нужны. Оставьте их себе. Вам еще платить и платить, дорогой мой. А Верочку вы на работу возьмете!

– В финансовый отдел, – огрызнулся директор.

– Хотя бы и так. Но – в замы! И Коленьку!

– Охренела, старуха? – с болью охнул Валерий Юрьевич. Потом все же согласился: – Пусть так. Все, свободна.

Дина еле успела отскочить от двери. Ражева вышла, гордо выпятив подбородок. Глянула на нее с подозрением, потом оглянулась на дверь, чему-то кивнула и ушла.

– Кто там топчется, входите! – заорал из кабинета Валерий Юрьевич.

Дина вошла, остановилась, глянула на него и едва узнала. От холеного дородного мужика осталось одно название. Рубаха выбилась из-под штанов, будто Ражева его тут не уговаривала, а пытала. Галстук болтался на шее растянутой петлей. Волосы взъерошены, глаза покраснели. Неужели Мария Ильинична до слез его сумела довести? Интересно, что у них тут произошло?

– А-а-а, это ты, – без всякой радости протянул Валерий Юрьевич, метнулся в угол, к узкому шкафу, зазвенел ключами, открывая дверь, достал сверток, снова запер шкаф. – Вот, возьми.

Дина взяла обернутый белой бумагой сверток, взвесила его в руке. Весил он немного. Для денежных пачек, способных уместиться в таком вот объеме, он вообще ничего не весил. О каких же тогда долгах шла речь?

– Вот адрес, – директор протянул ей бумажку. – Поезжай, отдай лично в руки. Ну и... На сегодня можешь быть свободна. Отгул у тебя.

Какое великодушие! Дина чуть не фыркнула от возмущения. В адресе значился дачный поселок, расположенный в пятидесяти километрах от города. Доехать ей следовало сначала до автостанции или железнодорожного вокзала, потом – до места, там еще поплутать по узким извилистым улочкам в поисках дома номер пятьдесят дробь пять. Отдать сверток, хорошо еще, что без объяснений. И – в обратный путь. Дай бог, она часам к семи до дома доберется. Отгул у нее!

Видимо, разочарование слишком отчетливо проступило на ее лице, потому что Валерий Юрьевич неожиданно разрешил ей и завтра не выходить.

– Завтра пятница, с делами у тебя полный порядок, – пробормотал он, забыв совсем о своем вопле на совещании в ее адрес. – Давай, двигай, Дина. До понедельника... Да, и с грузом будь осторожна.

Груз, весивший чуть больше яичной скорлупы, Дина тут же положила в свою сумку. С благодарностью приняла от директора деньги на дорогу и отправилась отрабатывать отгулы.

До автостанции она добралась пешком, не дождавшись маршрутки. Купила билет и уже через десять минут ехала в чихающем копотью автобусе в дачный поселок Лесной. Народу в автобусе было немного, место у окошка нашлось, и она тут же уткнулась носом в кресло, чтобы не отвечать на вопросы какой-то прилипчивой старушки с пустыми корзинками.

– Да... Сейчас молодежь-то не заставишь на земле работать. Они сейчас деньги из ящиков выколачивают.

– Каких ящиков? – вяло поинтересовалась Дина, и то лишь потому, что старушка теребила ее за локоток.

– Компьютеров, каких же еще! Внук мой, вон, сидит за ним с ночи до утра. И все надо мной посмеивается. Говорит, ба, я за час за ним денег заработаю больше, чем ты за лето со своего участка урожая снимешь. Разве это дело?

– Не знаю, – пожала плечами Дина.

Ее к земле никто не приучал. Родители всю свою жизнь только тем и занимались, что строили свои семейные отношения. Сколько она себя помнила, столько же помнила их бурные скандальные выяснения, потом столь же бурные примирения, затем – снова ссоры и снова примирения. Развлекались они подобным образом, что ли? Она из дома уехала давно и так же давно стала самостоятельной. Собственно, никто из них ей своей помощи и не навязывал.

– Вот! И ты не знаешь! А ведь к земле надо тянуться, к ней, кормилице. Я вот, видишь, с пустыми кошелками еду, видишь? А потому, что рассады на полторы тысячи продала. Сначала вырастила в парнике, а теперь вот продала. Разве же плохо?

– Хорошо, наверное.

Дину этот разговор тяготил. Ей хотелось помолчать, подумать. Хотя бы над тем, что за невесомую вещицу велел ей передать директор уважаемому Константину Сергеевичу Иванову. Когда Валерий Юрьевич выговаривал имя-отчество адресата, то едва не задохнулся от отвращения.

«Так плох товарищ?» – не выдержав, поинтересовалась Дина, уже стоя на пороге его кабинета.

«Он? Плох? – Директор делано рассмеялся, начав затягивать петлю галстука, будто пытался удавиться. – Поверь мне, редчайшей гнусности человечешко. Редчайшей...»

И вот теперь она везла этому гнусному человечешке нечто, упакованное в картонную коробку, бока и днища твердого картона ощутимо прощупывались сквозь белую бумагу. Хотелось напридумывать всякое на тему – а что же именно она везет, что лежит в картонной коробке, что это за плата за грехи молодости? Но эта пожилая женщина к ней пристала, – спасу нет от нее с ее грядками.

– А ты к кому едешь-то, голуба? – не отстала бабка от нее и на остановке, когда они обе сошли с автобуса. – Я ведь тут почти всех знаю, могу помочь с поисками. Вижу, что в бумажку смотришь. А? К кому?

– Да нет, нет, спасибо. Я сама как-нибудь, – поспешила отделаться от нее Дина. Кивнула на прощание и двинулась широкими шагами в сторону от автобусной остановки.

Поплутать ей пришлось прилично. Длинные ряды ветхого штакетника, казалось, никогда не закончатся. Она все шла и шла, вглядывалась в нумерацию на бревенчатых домах, кирпичных, щитовых. Цеплялась брюками за кустарник, топорщившийся по обочинам узких улочек. Пыталась рассмотреть среди разбушевавшейся в конце мая растительности хоть какое-то движение – следовало немедленно навести справки, а то ей до ночи бродить придется, – но поселок будто вымер. Может, и зря она у старухи не спросила адрес? Хотелось соблюсти секретность, к которой ее призывал Валерий Юрьевич, а вон оно как вышло.

– Я же сказала, заплутаешь!

Дина вздрогнула и обернулась. Из-за невысокого забора, выкрашенного веселенькой, лимонного цвета краской, выглядывала улыбающаяся физиономия давешней женщины. Она уже успела переодеться в ситцевый халатик и повязать голову линиялой косынкой.

– Поважничать хотела, голуба? – укорила ее женщина и призывно махнула рукой. – Иди сюда-то, чаем тебя угощу. На смородиновом листе, души-исты-ый!

– Да некогда мне, – пожаловалась Дина, хлопнув ладонью по сумке. – Надо кое-что передать одному человеку, а дома с таким номером я не вижу. Он будто провалился сквозь землю!

– А номер-то каков? – Старая женщина прищурила глаза от солнца, подняв голову.

– Пятьдесят дробь пять.

– О-о-о, дак это совсем в другой стороне, голуба! Номера домов с дробями – на другом конце нашего поселка. Там коттеджи одни, там на грядках народ не лопатится. Состоятельная прослойка там проживает, как мой внук сказал бы. Ты сейчас вот что сделай: возвращайся к остановке и не вправо, а влево поворачивай по дороге.

– Так там забор высокий, – Дина с досады прикусила губу, поняв, что ходить ей тут еще с час придется.

– Вот за этим высоким забором они и ютятся, бедолаги...

Ютились бедолаги совсем неплохо. Одноэтажными за их коваными и каменными оградами были лишь беседки и гаражи, и то не у всех. Широкие въезды за громадными воротами, ухоженные газоны с сочной зеленой травой, клумбы, альпийские горки с нежно журчавшей по камням водой. Проезжая часть была достаточно широкой и пустынной. Расслабившись, Дина пошла прямо посередине, проигнорировав узкий тротуар. И едва не угодила под машину. Ядовито-желтая «Хонда» вылетела из-за поворота так стремительно и нервно, что едва не врезалась в бетонный бордюр, а следом – и в Дину. С визгом выровняв колеса, водитель взял левее и через мгновение промчался мимо девушки, быстро превратившись в маленькую точку на шоссе.

– Сумасшедший! – прошептала она, переводя дыхание – испугалась, что уж там, сильно испугалась. – Или сумасшедшая...

Почему-то сразу ей подумалось про женщину за рулем. И цвет, и марка приземистой машины намекали на прекрасный пол ее владелицы. Если, конечно, неизвестный водитель-мужчина не имел столь экстравагантных вкусов.

Дом под номером пятьдесят дробь пять она нашла без труда, он стоял за поворотом, откуда вылетела желтая машинка. И он ей сразу не понравился.

Нет, строение было хорошим, добротным, и занавесочки на окнах висели красивые, но вот вокруг дома всего было... как-то уж слишком. Много лишнего, что ли, или соседство различных пристроек – какое-то непродуманное. К чему это дурацкое баскетбольное кольцо, да еще на уровне окон первого этажа? Очаг под навесом, с развороченной поленницей дров. Пова-

ленный шезлонг в центре небольшой лужайки, обсаженной кустарником. Прудик с зеленой водой. Неуютно как-то, серо и скучно. Тут же вспомнилась характеристика здешнего хозяина, которой ее снабдил Валерий Юрьевич, и входить в дом Дине и вовсе расхотелось. Вышел бы, что ли, этот дядя на улицу! Она отдала бы ему эту странную невесомую коробку и убралась отсюда подобру-поздорову.

– Э-эй, есть кто-нибудь? – Дина постояла у распахнутых настежь ворот, на которых, сколько она ни смотрела, так и не нашла кнопки звонка. Снова покричала: – Э-эй! Константин Сергеевич! Вы дома?

Конечно, он был дома, где же ему быть, если он созванивался с ее директором и точно должен был ждать ее приезда. Да вон, и дверь дома чуть приоткрыта.

– Э-эй! Есть кто живой?

Вновь – никакого ответа. Но на втором этаже, кажется, колыхнулась штора.

Дина еще постояла, подождала. Штора больше не колыхалась, к ней никто так и не вышел. Зато где-то позади дома достаточно ощутимо загромыхало, то ли дверь металлическая открылась и захлопнулась, то ли кто-то что-то уронил на асфальт под окнами.

Что ей было делать? Пошла она, конечно же, прямо на этот грохот. Может, невзирая на предубеждение ее недавней знакомой, хозяева этого дома все же занимаются высадкой томатов и капусты и теперь гремят там лейками?

Без конца оглядываясь, Дина зашла за угол дома. Нет, никого там не было. А вот дверь металлическая обнаружилась. И она тоже оказалась приоткрытой, и слабый сквозняк ее слегка покачивал туда-сюда. Может, она и грохотала?

Она решила войти.

– Э-эй, есть кто живой? – в который раз повторила Дина, толкнула металлическую дверь заднего хода и сунула нос в темный тесный коридор. – Константин Сергеевич, ау!

Константин Сергеевич не ответил. Дина прошла через коридор, который венчался просторным холлом с тремя дверями, лестницей, идущей наверх, и поворотом к выходу. Одна дверь первого этажа вела в кухню и просторную столовую, разгороженные между собой барной стойкой, вторая в спальню с развороченной необитаемой кроватью – подушки и одеяло валялись на полу, простыня была сбита. За третьей дверью обнаружилась идеально прибранная гостиная с работающим без звука телевизором, пухлыми креслами, диваном, посудным шкафом и пустой клеткой для птиц.

Вздыхнув в сороковой по счету раз и мысленно «возблагодарив» Валерия Юрьевича за возложенную на нее почетную миссию, Дина начала подниматься вверх по лестнице.

Константина Сергеевича она обнаружила на площадке второго этажа. Он лежал лицом вниз перед маленьким диваном, стоявшим у лестничных перил. Лежал, широко разбросав босые худые ноги, видневшиеся из-под длинного халата. В левой руке он сжимал скомканную газету. Правая была под диваном, будто он полез туда за чем-то, что-то там искал. Но искать он, конечно же, ничего под ним не мог по причине своего бездыханного на тот момент состояния. Огромная лужа крови, уткнувшись лицом в которую лежал теперь Константин Сергеевич, была ярким тому подтверждением.

Но Дина все же опустилась рядом с мужчиной на корточки, горестно вздохнула и легонько толкала его в поясницу. Тело тяжело качнулось, и кровавая лужа издала едва слышимый чавкающий звук. Ее тут же затошнило. Она вскочила на ноги и, прижимая к восставшему желудку сумку, попятилась. Но странным образом бестолковая Игнатова – как она потом сама себя охарактеризовала – попятилась не к лестнице, а почему-то в противоположную сторону. К распахнутой настежь двери, откуда тянуло сквозняком. Кажется, недавно ей почудилось, что в этом именно окне колыхнулась занавеска. Но окно в тот момент было наглухо закрыто, это она помнила отчетливо. Откуда же тогда сквозняк?

Окно оказалось открытым – теперь. И занавеска, которая прежде едва заметно колыхнулась, привлекая ее внимание, была наполовину сорвана с петель. Сорвала ее хозяйка. Это ведь только хозяйкой могла оказаться женщина в шелковом кимоно, с голыми коленками, лежавшая совсем неподалеку от расprostертого на полу хозяина? Конечно! С ним она делила жизнь, с ним делила стол и кров, с ним разделила и печальную участь убитой жертвы. Ее голова тоже оказалась в луже крови. Только лежала дама в шелковом кимоно не на животе, а на боку, уткнувшись лицом в батарею. Падая, она, видимо, ухватилась за занавеску и сорвала ее с петель. Только вот...

Как же она успела окно открыть, если падала уже с простреленной головой? Если голову ей, конечно, прострелили, а не раскроили чем-то тяжелым. Может, убегая от убийцы, она увидела Дину на улице? И кинулась к окошку – открывать его, раму отомкнуть успела, а вот крикнуть – нет. Ее тут же убили, и она упала, успев в судороге оборвать занавеску.

Выходит – что?

Дина помертвела. Выходило, что, когда она вопила у ворот, убийца все время был в доме? А как он ушел? Да очень просто, господи! Погромыхал дверь заднего хода, привлекая ее внимание. И, пока она шла туда, пока стучалась, пока осторожно открывала дверь и входила, он ушел через центральный выход. Спокойным размеренным шагом и...

А почему она не слышала криков, шума борьбы, выстрелов, наконец?!

Чертовщина какая-то получалась! Да и кровь, в которой от ее легкого толчка вяло шевельнулась голова мертвого Константина Сергеевича, не показалась Дине свежепролитой. Она уже, похоже, застыла.

Вторично рот ее наполнился ядовитой горькой слюной, а в животе что-то туго заворочалось. Надо убираться отсюда поскорее, чтобы не упасть в обморок или не облеваться! Сейчас эксперты по капле слюны и пол ее, и приблизительный возраст установить могут, а если им целый завтрак на анализ подадут, то тогда вообще держись – они и адрес ее запросто вычислят.

Придерживаясь за стены кончиками пальцев, Дина на негнущихся непослушных ногах начала пробираться к выходу. Она старательно обходила взглядом голые пятки хозяйки, ее разбросанные в разные стороны по комнате мохнатые тапки с громадными помпонами. Но завернутый край шелкового кимоно, обнаживший рыхлую синеватую плоть бедра, настырно лез ей в глаза, будь оно все неладно!

С горем пополам она все же из комнаты выбралась. Вдохнула, выдохнула, зажмурив глаза, и снова – по стенке, по стенке – к ступенькам. Как спустилась она на первый этаж, как вышла из дома – не помнила. Не помнила даже, через какую точно дверь выходила – через парадную или дверь черного хода. В голове ее что-то ухало и грохотало, перед глазами все плыло, в горле саднило, ее тошнило. Очнулась она только за воротами, и то не сразу. Очнулась от странного озноба. Оказалось, что она сидит метрах в десяти от распахнутых ворот дома пятьдесят дробь пять, прямо на земле, в густом кустарнике. Сидит на траве, не пожалев новых немецких брюк, в которые ее коллега по отделу не влезла и продала их Дине с величайшей неохотой после Дининых настоятельных просьб. Коленки под подбородком, сумка на плече, зубы щелкают от ужаса, пальцы рук стиснуты в замок, плечи, спина судорожно дергаются.

Что делать-то? Куда теперь?

Господи, а коробка-то! Коробку ведь она так и не отдала!

Дина нащупала непослушными пальцами коробку в сумке. Все цело. Что теперь с ней делать?

Понятно что – отдать владельцу. То есть Валерию Юрьевичу. Пусть он сам решает, что ему теперь делать со своим долгом за грехи молодости. Кажется, он именно так и сказал...

Обратно Дина Игнатова добиралась автостопом. Опасно, конечно, было доверяться случайным людям, но куда опаснее – садиться в рейсовый автобус. Она же не идиотка, понимала, что человек она в поселке новый, непримелькавшийся. Ее запомнят сразу, и тот же водитель

автобуса, обстоятельно посасывая нижнюю губу, будет перечислять полицейскому художнику ее приметы.

Господи, а та пожилая женщина! Как же она про нее забыла?! Мало того, что та ее запомнила, и хорошо, она ей еще и дорогу указала!

Вот спросит у нее полиция: никого вы, женщина, подозрительного не видели тогда-то и тогда-то, там-то и там-то? И что та бабка ответит? Конечно, скажет, видела. Мало того, что видела она незнакомку. Так молодая дамочка еще и дом, нужный вам, господа полицейские, искала! Где, как вы рассказываете, произошла страшная трагедия.

Да у тетки той и спрашивать ни о чем не надо. Она ведь до того дотошная, это сразу видно, что сама в отделение пойдет и все обстоятельно расскажет.

Но ведь Дина ни при чем! Она не убивала! Она просто приехала сюда, чтобы выполнить поручение своего босса, который сильно ненавидел и еще сильнее гневался на хозяина дома номер пятьдесят дробь пять за что-то, и...

И вот теперь пусть он все это и подтвердит представителям правоохранительных органов. Ей лично плевать, как он станет выкручиваться. Все на совещании слышали его телефонный разговор, все! И Ражева потом даже о чем-то неприятном с ним шушукалась. И она видела Дину в дверях кабинета и может все подтвердить. Что именно? Да хотя бы то, что Дину начальник вызывал!

Нет, поговорить с ним следовало немедленно. И если он решил отключить свой телефон – а он его отключил, она всю дорогу до города ему звонила, – то она напрямую к нему домой и поедет.

– Спасибо, – поблагодарила Дина пожилую супружескую пару, вызвавшуюся подвезти ее до города. – Я вам что-то должна?

Мужчина замотал головой. Тетя посмотрела на него строго, ткнула локтем в бок и прошепелявила:

– Три сотни давай.

Дина послушно расплатилась и пошла ловить такси, но вначале она позвонила на работу и долго умоляла охранника продиктовать ей адрес босса. Еле уломала парня.

Ехать в переполненном автобусе к Валерию Юрьевичу она просто не могла. Ее по-прежнему трясло от пережитого ужаса, тошнило, а глаза то и дело заволакивало тусклой пеленой, сквозь которую ничего нельзя было рассмотреть, никакого светлого будущего. Один мрак и безысходность, черт бы все побрал!

Дом, в котором жил ее босс, был новеньким, нарядным, с огромными балконами, застекленными темными стеклами, с цветниками перед подъездами, парковочными площадками, качелями, яркими горками и песочницами. Даже дышалось тут легче и приятнее, чем в ее, к примеру, районе. А все потому, что насаждения строители уберегли от выкорчевывания, и парковая зона обвила пять высоток плотным кольцом, где вольно себя чувствовали бегуны и собачники.

Подъезд был заперт. Дина минут пять звонила в квартиру Валерия Юрьевича – бесполезно. Либо его не было дома, либо он был так сильно и приятно занят, что решил никому не открывать. Оно и понятно, груз с его души упал, расплата за грехи молодости свершилась, как он думает. Теперь можно и расслабиться.

Наконец в динамике что-то скрипнуло, хрюкнуло, свистнуло, и надтреснутым голосом ее начальника недовольно спросило:

– Кто там?

– Валерий Юрьевич, это я, – она чуть не расплакалась от облегчения. До того рада была его слышать.

– Кто «я»? – удивился он.

– Дина Игнатова.

– А-а-а, понятно, – он немного помолчал и спросил со вздохом: – И чего тебе, Дина Игнатова?

– Надо поговорить.

– А до завтра это не подождет? – вдруг заупрявился босс. – Я тут несколько... м-м... занят, понимаешь?

– Валерий Юрьевич! Это очень важно! – взмолилась она, нащупывая в сумке картонную коробку. – Это касается вашего поручения.

– А что с ним не так? – Он немного, совсем-совсем чуть-чуть беспокоился, кажется.

– Я его не выполнила, – призналась Дина и опасливо покосилась на двух подростков, которые наблюдали за ней, стоя неподалеку у скамейки.

– Почему? Что значит – не выполнила?! Как такое возможно вообще?! – забубнил Валерий Юрьевич. – Константин Сергеевич был дома?

– Дома... Был... – она нервно передернула плечами, вспомнив, в каком именно состоянии тот «был дома».

– И почему ты ему это не отдала?

– Потому что... Потому что он умер! – понизив голос, так, чтобы ее не слышали эти юные оболтусы, проговорила Дина. – Да впустите же меня, Валерий Юрьевич! Я отдам вам эту чертову коробку и уйду!

Стало так тихо, что она отчетливо услышала, как колыхнутся волосы у нее на макушке – то ли от ветра, то ли от ужаса. Только сейчас до нее начало вдруг доходить, что весь этот чудовищный бедлам, свалившийся на нее, мог произойти – и произошел наверняка не без помощи и участия самого Валерия Юрьевича. Не то чтобы он сам продырявил головы этому мерзкому Константину Сергеевичу и его жене, но заказчиком-то он выступить мог? Мог! И ее – идиотку – он с какой целью туда послал? Правильно, с целью ее засветить! Что она благополучно и сделала. А плата за долги...

Слишком уж невесомой она выглядит, эта плата.

– Если вы сейчас же мне не откроете, я распакую вашу посылку прямо во дворе, на лавочке. И позвоню куда следует, – пригрозила ему Дина. – Ну, Валерий Юрьевич!

Зря, господа, зря она не ушла навсегда с этой работы! Чего боялась? Того, что не устроят ее анкетные данные новое руководство? Да и черт бы с ними! Еще куда-нибудь пристроилась бы. Теперь-то что?! Теперь-то она с чем осталась? С пустой, похоже, коробкой, упакованной так деловито и тщательно, и с двумя трупами за плечами.

Он должен ей ответить. Он должен ее защитить от подозрений! Он должен будет рассказать всем заинтересованным лицам, что это именно он послал ее туда с поручением. И поручение это выглядело совершенно невинным.

В динамике снова что-то хрюкнуло, скрипнуло, пискнуло. Дверь открылась, и Дина вошла в прохладное чистенькое парадное. Она совсем забыла спросить, на каком этаже расположена его квартира, и подниматься пришлось пешком, чтобы не кататься на лифте вверх-вниз.

Этаж оказался шестым. Пока она добралась, выдохлась окончательно. Сердце, уставшее колотиться из-за страха и напряжения, вообще, похоже, не билось больше, его не было слышно. Пот струился по ее спине, ногам, груди, вискам. Во рту пересохло. Она судорожно достала из сумки пудреницу, раскрыла ее, взглянула на себя в зеркальце, убедилась, что похожа на взмокшую, потрепанную жизнью мышь, и со вздохом убрала пудреницу обратно. В конце концов, ей плевать, как она выглядит! Да и Валерия Юрьевича ее внешний вид вряд ли озаботит. Судя по повисшей в домофоне – после ее угрозы – паузе, он не на шутку встревожен.

Дверь была гостеприимно приоткрыта, сантиметров на десять-пятнадцать. Из квартиры доносилось бормотание телевизора, пахло хорошим одеколоном и еще жареным мясом. Не иначе Валерий Юрьевич готовился к приему гостей или госты, а она вот помешала.

Переживет, решила Дина и перешагнула через порог.

– Валерий Юрьевич! Вы где?

Тишина! Снова тишина в ответ, да что же это такое!

Дина, миновав просторную прихожую, облицованную искусственным камнем, обошла все комнаты по очереди. Заглянула в спальню, гостиную, кухню, кабинет. Даже про застекленный балкон не забыла. Ну, нет нигде ее начальника, хоть ты тресни! А он должен здесь находиться! Она же с ним только что говорила. С ним, а не с тенью его и не с автоответчиком! И гостей он точно ждал. В кухне стол накрыт на две персоны. А в сотейнике на плите – гора жареного мяса, она не поленилась, заглянула и туда.

– Куда вы подевались-то, Валерий Юрьевич? – жалобно заныла Дина и остановилась перед единственной дверью, куда постеснялась зайти.

Он мог быть в ванной, конечно, она ведь свалилась на его голову так внезапно. Переодеться, там, снять банный халат, натянуть брюки или шорты... Он мог зайти туда, чтобы побрызгать на себя одеколоном, неспроста же резкий запах парфюма ударил ей в нос из открытой двери его квартиры.

Мог он все это сделать? Мог, конечно, ведь это логично. Мог, но не сделал почему-то. Вместо этого Валерий Юрьевич предпочел получить пулю в голову и валялся теперь в нелепой позе между умывальником и стиральной машиной.

– И вы... тоже? – ахнула Дина и на сей раз уже без всяких проволочек дунула вон из его квартиры.

Очнулась она в сквере возле своего дома, где фирма предоставляла ей хоть и тесную, но отдельную квартирку. Очнулась внезапно, будто проснулась только что. Сразу услышала множество звуков – чей-то смех, лай собаки, шуршание автомобильных шин по разогретому асфальту. Стук собственного сердца она тоже разобрала. Невзирая на пережитое потрясение, сердце ее стучало ровно и спокойно.

Как она очутилась возле своего дома? Каким образом проделала путь из района новостроек до дома, в котором жила, – она ничего не помнила. Очень отчетливо помнила положение мертвых тел, брызги крови на полу, на стенах, батарее и на стиральной машинке. Вкус собственного страха, вязкой горечью забивший весь ее организм, Дина помнила преотлично. А вот как добралась до дома – не помнила. И коробка! Коробка из сумки куда-то подевалась!

Дина для верности тщательно ощупала сумку, боясь заглядывать внутрь. Да нет, нету там коробки. Пудреница, кошелек, мобильный телефон, тюбик помады, связка ключей – все прощупывалось, а коробки не было.

– Чертовщина какая-то, – пробормотала Дина со вздохом, поднялась и медленно побрела к подъезду.

В квартире было душно и темно. Она торопилась утром и не отдернула шторы и форточку тоже не открыла. Она сбросила туфли, швырнула на пол сумку и, войдя в комнату, сразу направилась к окошку. Резкий взмах руки, и плотная портьерная ткань разлетелась в стороны. С грохотом открылась форточка, поток свежего воздуха освежил ее разгоряченное, потное лицо, прошелся за ушами, игриво шевельнув волосы. Дина зажмурилась.

Как бы она хотела, чтобы этот миг оказался мигом сегодняшнего утра, когда она только встала с постели, надавив на кнопку будильника. Подошла к окну и – да, раздвинула шторы и распахнула форточку! Потом пошла варить кофе и жарить омлет. А затем отправилась на работу, и там...

И там-то уж точно она избежала бы необходимости выполнить поручение Валерия Юрьевича! Нашла бы три сотни причин, чтобы увильнуть. Пусть бы он Ражеву туда послал, которая свистящим шепотом пыталась чем-то его шантажировать и вывела шефа из себя. Или Таньку свою пусть отправил бы. Почему он выбрал именно ее – Дину?

Этот вопрос был «хорошим», добротным, с него, видимо, все и начиналось. Вся страшная криминальная история Валерия Юрьевича. Он же не просто так послал именно ее? Нет, однозначно! Куда, казалось бы, проще отправить с поручением собственного водителя, так ведь? Тот за полчаса обернулся бы. Ну, или за час-полтора. Почему шеф послал ее, Дину? Да еще и отгул ей на завтра предоставил? Откуда такое великодушие? У него, бывало, отпуска законного не выпросить, а тут – отгул! У них на фирме вообще этого слова не знали. А тут оно прозвучало. Почему? Не потому ли, что он был уверен – Дина не вернется оттуда живой? Тогда почему же он и сам пострадал?

– Господи! Господи!!! Что делать-то?! – Она прижала голову к стеклу, сморщила нос и заревела.

Было страшно из-за видений этих мертвых тел в лужах крови. Еще ей было страшно оттого, что завтра в ее дверь могут постучаться сотрудники полиции и вывести ее отсюда под конвоем. Станут снимать с нее показания, а сказать-то ей и нечего почти. Ей не поверят и запрут в камере.

Но еще сильнее страшило Дину то, что тот гад, хладнокровно расстрелявший всех этих несчастных, кажется, видел ее! Почему-то Дина была в этом почти убеждена: на даче ведь шторка колыхалась, дверь железная гремела... И Валерий Юрьевич погиб в тот краткий период времени, когда она, переговорив с ним по домофону, начала подниматься на шестой этаж к его квартире. Это ведь пять, максимум семь минут. Ну, еще пару минут она потратила на то, чтобы достать пудреницу, взглянуть на себя в зеркальце и пудреницу обратно в сумку убрать. Десять минут – с натяжкой. Убийца опередил Дину на десять минут. Вошел в квартиру, а Валерий Юрьевич отпер, не опасаясь, – она же так рвалась к нему. Убил его и просто ушел верхними этажами и потом – через чердак. Сложностей никаких! Все рассчитано поминутно. Выстрелов она не слышала, либо пистолет у него был с глушителем, либо головы жертвам он раскроил чем-то тяжелым и опасным.

Почему он пощадил ее?

Дина отшатнулась от окна и пошла в кухню. В холодильнике стояла двухсотграммовая пачка сока, и она выпила все залпом. Пошарила взглядом по полкам – негусто у нее с продуктами. Но и то, что там было, следовало выбросить, раз она решила сбежать.

Да, да, она так решила! А что ей еще остается?! Пойти завтра на работу, изображать полнейшее неведение и подпрыгивать от каждого телефонного звонка? Такое поведение сразу бросится в глаза всем, кто с ней работает. Не выйти на службу, воспользовавшись отгулом? Тоже не дело. Начнут задавать ей вопросы – а с какой такой блажи Валерий Юрьевич тебе отгул дал? И когда успел, если он – мертвый? Придется рассказывать о его поручении, о коробке, о том, что она шла по пятам убийцы – буквально. Или это он шел по ее пятам? А что, чем не мысль? Подслушал ее разговор с начальником – и помчался за Диной следом, на ходу отстреливаясь...

Она слепила кривой бутерброд из ломтя хлеба и докторской колбасы. Забралась с ногами на маленький диванчик в углу у стола и принялась жевать без всякого аппетита. Потом вдруг помчалась в прихожую, достала из сумки телефон, нашла фамилию под нужной буквой и, не раздумывая, позвонила Ражевой.

Мария Ильинична как будто все это время ждала ее звонка, ответила мгновенно.

– Да, Диночка, слушаю тебя, – осторожно, вкрадчиво отозвалась Ражева. И тут же, не дождавшись от Дины ни слова, спросила вдруг: – Что-то случилось?

– Случилось? – притворно удивилась Дина, перестав жевать, замерев от изумления. – Почему – случилось?

– Ну-у... Ты мне никогда раньше домой вечерами не звонила.

– Не было необходимости.

– Теперь появилась?

– Кажется, да, – Дина выплюнула на ладонь кусок колбасы, с набитым ртом и разговаривать было неудобно, и глотать сил не было.

– И?..

– Я... – она быстро перебрала в уме различные варианты и остановилась на одном, самом приемлемом, всегда срабатывавшем в детстве. – Я заболела!

– Да? – удивилась Ражева с явной насмешкой. – Что это вдруг? Когда мы с тобой столкнулись в приемной, ты выглядела вполне здоровой. Кстати, зачем тебя вызывал Валерий Юрьевич?

– Он не вызывал, – соврала Дина. – Нет, он сначала меня вызвал, но потом передумал и... И это я сама к нему пошла в кабинет, чтобы отпроситься. Голова разболелась, температура поднялась так стремительно, и желудок... Господи, Мария Ильинична, вы не представляете, как у меня болит желудок!

И, словно избавляя ее от греха, желудок ее и впрямь тонко и болезненно заныл.

– Рвота есть? – деловито осведомилась Ражева, она любила всех лечить и всем советовать, в ее сумке постоянно лежала косметичка, набитая под самую застежку всяческими таблетками и пилюлями.

– Рвоты пока нет, но тошнота присутствует, – продолжила свое вдохновенное вранье Дина. – Боюсь, что это желудочный грипп.

– Ах, брось ты эти американские диагнозы! Дизентерия у тебя начинается, вот что. Срочно вызывай врача, дорогая моя.

– Они меня в клинику положат с такими-то симптомами, – возразила Дина, подумав, что это неплохой вариант – скрыться от подозрений и преследований.

– И хорошо! И правильно! Нельзя же тебе людей заражать. Это же инфекционное заболевание, Дина! Все, лечись и не вздумай завтра являться на работу. Поняла?

Еще бы! Дина сердечно поблагодарила Ражеву, пообещав ей всерьез заняться своим здоровьем, и на всякий случай отпросилась еще и на следующую неделю тоже.

– Если это то, что вы имеете в виду, за два дня мне не вылечиться, – закончила она с печалью.

– Конечно! Двадцать один день все это лечится, как минимум. Двадцать один день... Ладно, я руководству передам, а ты лечись. Будет больничный, внесем в табель, и все.

Итак, в запасе у нее двадцать один день. За это время ей необходимо: либо скрыться куда-нибудь на веки вечные, чтобы никто не нашел ее – никогда. Либо сделать что-то такое, что на нее даже тень подозрения не падет. Либо отыскать этого мерзавца, который постоянно опережал ее минут на пять-десять, убивая людей наповал, и сдать его правоохранительным органам, получив за это не медаль – нет, а просто спокойную, размеренную жизнь. Ту самую, о которой она вечно мечтала.

Поразмыслив минут десять, Дина поскучилась.

Скрыться ей не удастся. Как говорилось давным-давно: велика Россия, а отступить некуда. Найдут! Везде найдут!

Убийцу ей тоже поймать не по силам. Не такой он дурак, чтобы наследить. А вот она-то...

Она-то наследила, и как! Отпечатков ее пальцев и в доме Иванцовых, и в квартире Валерия Юрьевича предостаточно, на три досье хватит. Опять же, имеются свидетели. В дачном поселке – пожилая женщина, которая помогла ей найти нужный дом. В районе новостроек – подростки. Они прекрасно слышали, о чем она говорила со своим боссом, ныне покойным. Ухмылялись, перешептывались. И угрозы ее в его адрес они тоже слышали. И охранник подтвердит, что она кланчила у него адрес босса.

И поэтому выходило, что избавиться от подозрений ей никак не удастся.

Что же остается? Явка с повинной? Не вариант. Ей никто не поверит. Свидетелей ее невиновности нет. А единственное доказательство – коробка, врученная ей Валерием Юрьевичем.

чем, – оказалась пустышкой. Нет, она не заглядывала внутрь. Не до того ей было. Она ее просто долго трясла возле уха и поняла почти сразу, что коробка пустая. В ней ничто не шуршало – ни странички, ни бумажечки, ничто не толкалось о бока и днище. Там вообще ничего не было!

Она вспомнила, конечно, куда она ее подевала. Посидела дома, в душноватой тишине, пожевала бутерброд, поговорила с Ражевой – и вспомнила, выстроив в ряд всю последовательность недавних событий.

Коробку Дина оставила на автовокзале, как сомнамбула, уехав из района, где проживал ее шеф, в камере хранения. Почему ее повлекло именно туда после визита к трем покойникам, Дина объяснить никак не могла. Просто она наконец все вспомнила: как вылетела на проезжую часть с вытаращенными глазами и вскинутой над головой рукой. Как она остановила частника и велела отвезти ее на автовокзал. Там она швырнула в пустую ячейку пустую коробку, потрясла ее у своего уха, не особо заботясь при этом, что ее могут увидеть. Села в машину, уже в другую, конечно. Доехала до своего района, уселась на скамейку – и почти умерла. Себя саму она в тот момент не ощущала, точно. И мысли ни одной у нее не было.

Зато теперь от них в голове стало тесно.

Коробка в камере хранения? А и пусть она там лежит! Когда ее припрут к стенке, загонят в угол, тогда у нее хоть что-то будет. На ней – на коробке этой – отпечатки Валерия Юрьевича должны иметься. Это слабый, но – аргумент в ее защиту. Больше-то ее защищать некому и нечему. Она попалась! И попалась скверно. Как, впрочем, и тогда – много лет тому назад...

Глава 3

Поминальный обед продолжался три с половиной часа. Уже давно минул тот критический временной момент, когда гости, изрядно захмелев, переставали сохранять приличествовавшие печальному случаю скорбные выражения на лицах. Уже улыбки украдкой переросли в откровенные смешки и похохатывания. Женщины вспотели, сидя внутри душной утробы ресторана, сбросили траурные накидки, обнажив голые плечи и спины. Мужчины раскраснелись, принялись тискать под столом коленки соседствующих с ними дам. Кто-то выдал похабный анекдот. Посмеялись.

Как бы до песен дело не дошло, нервозно подумал Влад и покосился на Ленку.

Вот кто действительно страдал. Вот в ком скорби было на троих! Потерять родителей, сразу обоих, еще и при таких страшных трагических обстоятельствах – такое выдержит не каждый. Она еще молодцом, держится. Страдает, но держится. Не бьется в истерике. Не рыдает, повиснув у него на шее. Не причитает без умолку. Он бы тогда точно с ума сошел!

Нет, этого ничего не было. Было тихое вселенское страдание. Влад буквально физически ощущал, как корчится в муках Ленкина невыплакавшаяся душа. Он вчера вечером, когда они уехали на ночь домой, чтобы утром, переодевшись, оказаться пораньше в крематории, не выдержал и попросил:

– Лен, ты бы поплакала, что ли!

– Зачем?! – просипела она, взглянув на него полными страдания глазами.

– Легче будет, Лен.

– А я... Я не хочу, чтобы было легче, Владик, – ответила она и зажмурилась. – Я хочу, чтобы мне было так больно... Так... Чтобы рвало все на части!

– Зачем? – Он пожал плечами и отвернулся, принявшись готовить себе ромашковый чай.

Он всегда его сам себе на ночь заваривал. Домработница Маруся к тому времени уже уходила домой. Ленка не умела делать чай так, как он любил, вот он и привык к самообслуживанию.

– Это твоё здоровье, между прочим. А ты его гроишь таким вот неразумным образом. Страданию должен быть выход, – Влад встряхнул ситечко, надавил на горку раскисших от кипятка цветков пальцем, с удовольствием вдохнул травяной аромат. – Поплачь, покричи, там, я не знаю... С подругами поделись, если со мной не хочешь.

– У меня нет подруг, – сонно отозвалась Ленка.

Она сидела на широкой, обитой велюром скамейке у стола, как-то странно сгорбившись и растрепав волосы.

– Давно нет подруг.

Что да, то да. Влад за всю их недолгую совместную жизнь не помнил ни одной ее подружки. Даже шикарная свадьба обошлась без их присутствия. Были ее сестры, братья, а подруги – ни одной.

– А разве у тебя есть друзья, Владик?

– Да нет, наверное, – Влад взял кружку, подсел к столу напротив Ленки. – Знакомые, приятели имеются. А таких друзей, чтобы и в радости, и в горе... Кажется, нет.

– Как ты хорошо сказал: и в радости, и в горе, – Ленка подняла на него диковатый взгляд, повела плечами, будто замерзла. – В горе друзей иметь проще, милый. А вот в радости...

– Почему? – Влад удивленно поднял брови, радуясь уже одному тому, что ей удалось отвлечься от темы гибели родителей.

– Горе твоё может кого-то озадачить, кого-то порадовать, кому-то доставить удовольствие. Не все кинутся тебе помогать, это я знаю. Но кто-то рядом с тобой все равно будет, опять же, из каких побуждений?

– Из каких?

Он изумленно смотрел на жену поверх чашки. Вот тебе и тугодумка! Какие перлы выдает! Четырех лет оказалось ничтожно мало для того, чтобы понять ее. Или все ее время всегда поглощали ее родители: ее внимание, вынужденную дочернюю заботу?

Скорее всего, скорее всего...

– Из каких же побуждений кинутся помогать тебе в беде ложные друзья, Лен? Что ты замолчала?

Она вновь поежилась и потянулась к его чашке:

– Дай отпить глоток.

Он не любил кормиться с кем-то из одной тарелки, чашки, но позволил. Жена сделала пару глотков его ромашкового чая и вернула ему чашку. Влад предусмотрительно отставил ее в сторону. Пить после нее он не станет.

– Некоторым людям приятно видеть твои муки, твою агонию, их радуют твои страдания.

– Это садизм, милая!

– Может быть, но его никто не отменял, – Лена равнодушно пожала плечами. – Думаешь, завтра на похоронах таких будет мало?

– Ну... Не знаю...

Он мало кого помнил из друзей своих тестя и тещи. Скорее всего их просто не было. У таких малопривлекательных людей их и не могло быть. Существовали враги, недруги, деловые партнеры, полезные люди, очень-очень полезные люди... Но друзей не было. Стало быть, и радоваться завтра их страшной кончине будет некому. Явится скопище равнодушных вежливых людей, прибывших на похороны, чтобы засветиться, чтобы с кем-то встретиться, и только.

– Завтра их будет очень много – людей, которые станут вытирать сухие глаза, говорить что-то нужное, но при этом они будут испытывать тайное удовлетворение. Вот как, мол, все вышло-то у этих Иванцовых, а у них-то самих все хорошо, все удачно складывается. Тьфу-тьфу, конечно! Но Иванцовы сами виноваты, сами напросились на такое.

– Что, прямо так и будут рассуждать? – притворно ахнул Влад, в душе этих людей очень даже понимая.

Тестя его с тещей, мягко говоря, совались порою туда, куда всем смертным ход был от рождения заказан. Ему, например. Он со своей щепетильной порядочностью не то чтобы желал использовать чужие секреты себе во благо – он их и знать не желал вовсе.

И как только удавалось этим двум пенсионерам, в таком возрасте, при своем малоподвижном образе жизни сохранять настолько энергичную, активную подлость?

– О, милый, думать станут по-разному. И тебе, полагаю, достанется тоже.

Ленка взглянула на него с каким-то нехорошим прищуром. И он сразу забеспокоился.

– И как же станут думать обо мне?

– Ну... К примеру, станут шептаться по разным углам, что мы теперь с тобой – состоятельные наследники. Что к тебе перейдут акции отца, а их у него немало. Он же тебе их завещал, не так ли?

И вновь – этот нехороший взгляд из-под растрепанной белобрысой челки. Вот этим она его разозлила, да так, что он готов был ей на голову выплеснуть остатки ромашкового чая, который она не допила – и ему не позволила.

Что за намеки, черт побери?! Это его – Влада Ковригина – бизнес! Пусть никак там его имя не фигурировало – в то время нельзя ему было светиться, он состоял на службе в муниципалитете и рассчитывал сделать со временем политическую карьеру. Со временем, правда, одумался. Но в тот момент пришлось ему фирму оформить на тестя. Больше не на кого было. Потом он тысячу раз об этом пожалел, конечно, дурак! Лучше бы на соседа оформил, чем на этого упыря! Но дело-то и деньги были не тестя! Деньги-то и сам бизнес были его – Влада. Ленке ли не знать?! Почему же она щурится? Чего язвит?

– Вот, могут и фирму сюда приплести. И интерес твой в его смерти увидеть, – вялым голосом продолжила она. – Народишко, он такой... Ему только повод создай для фантазии, такого нагородит.

Влад внутренне взорвался, но кое-как совладал с собой. Медленно вылез из-за стола, хотя – видит бог! – очень ему хотелось швырнуть стул на пол и вместе с ним – что-нибудь и из посуды грохнуть. Да так, чтобы позвончее, чтобы с боем стеклянным! Чтобы Ленкино посеревшее от страданий лицо вытянулось, чтобы глаза ее – сухие, пустые и холодные – наполнились все же слезами.

Сладил он со злостью, молодец. Отвернулся от жены, подошел к раковине, тщательно вымыл чашку, ситечко, все убрал в шкаф. Постоял минутку и, поворачиваясь, напомнил Ленке с нежной улыбкой:

– Так ведь и ты, Лен, не без греха. И ты, помнится, несколько недель тому назад шептала мне, как сильно ненавидишь их и все чаще и чаще думаешь о том, чтобы их не стало. Забыла?

– Нет. Не забыла, – она скорчилась так, что стала как будто еще меньше, чем в пору их влюбленной розовой молодости. – Потому и больно мне теперь из-за тех моих слов. Потому я и корю себя.

– А зачем тебе себя корить. Лен? – Влад сжалился и подошел к ней, присел рядышком, обнял, положил ее непричесанную головку себе на плечо. – Для чего тебе себя корить, это же не ты их застрелила?

Она в мгновение ока сделалась словно бы деревянной. Вот только что, обмякнув, она повисла в его руках, слабой ладошкой схватила за его колено, холодными губами прикоснулась к его щеке. И сразу – бац, и будто окаменела!

– Ты почему так сказал, Влад? – зазвеневшим треснутым хрусталем голосом спросила Ленка и резко отодвинулась от мужа. – Почему?! Ты что, меня подозреваешь?!

– Сдурела, что ли?

Он растерянно заморгал, забыв уже и о ее противных намеках, и о взглядах, словно кричавших – красноречиво и осуждающе. Он совсем, совсем ее не узнавал – свою жену Ленку, с которой прожил четыре года бок о бок и о которой знал, кажется, все. Вплоть до того, с какой заторможенной неторопливостью она шевелит своими извилинами. Прежней Ленки перед ним больше не было, была какая-то другая, непонятная. И он совсем не знал, радоваться ли этому, огорчаться или опасаться ее?

– Это не я! – Она высокомерно подняла подбородок, до удивления сделавшись похожей на своего покойного отца. – Я их не убивала, запомни это, когда станешь трепаться о тех моих словах направо и налево!

– Сдурела, что ли?! – повторил он, но уже с нажимом. – Что ты такое болтаешь, хоть понимаешь сама?! Кому я стану трепаться?!

– В полиции, к примеру. Нас пока щадят, не допрашивают. Но это благодатное время скоро закончится, поверь! Скоро за нами придут...

И вот сегодня, посматривая на разошедшуюся, раскуражившуюся толпу «скорбящих», Влад вдруг понял, что Ленка была не так уж и не права. Мотивов для убийства пожилой четы Иванцовых у них всех – не счесть. Причем у множества самых разных людей. Но беда была в том, что ни Влад, ни Ленка не знали об этих контактах своих дорогих покойников. Мобильные телефоны тестя и тещи оказались пустыми, так сказали им сотрудники полиции. Никакой их картотеки ни Влад, ни Ленка так и не нашли, хотя успели перерыть весь дом до приезда представителей органов правопорядка. Они даже картошку в подвале всю перелопатили – ничего! Компьютером Константин Сергеевич не пользовался, он его презирал и не доверял этой технике. Его жена – тем более. Какой компьютер, если она занозу из собственного пальца вытащить не могла?! Ни тетрадок каких-нибудь, ни записной книжки, ни ключа от банковской ячейки – ничего!

– Лен, как же он дела свои вершил? – спросил Влад в тот вечер у жены.

Запыхавшийся и злой, он старательно обходил взглядом остывшие к тому часу тела тестя и тещи и все настаивал на том, чтобы побыстрее вызвать полицию.

– Погоди, еще не время, – уговаривала его Ленка, трясясь всем телом, как огромное сливовое желе. – Надо... Надо ЭТО найти, милый...

Что – ЭТО? Как ЭТО выглядело? Что конкретно ЭТО нечто могло в себе таить?

На эти вопросы у них ответов не было. Знали, оба знали: что-то быть непременно должно, потому что оба понимали, чем именно промышляла пожилая супружеская парочка. Но найти им ничего так и не удалось.

– Что-то пропало из дома? – это было первое, о чем спросили приехавшие полицейские.

– Нет, – твердо ответила его жена. – Деньги, документы, драгоценности – все на месте.

– Хм, странно... – пробормотал себе под нос полицейский, все время что-то вымерявший, рассматривавший комнаты под разными углами. – Почему же тогда их убили, как вы думаете?

– Мы об этом не думали никогда! – поспешно, пожалуй, слишком поспешно ответил за Ленку Влад и тут же вспомнил о ее страшном желании – навсегда и поскорее стать круглой сиротой. – То есть я хотел сказать, что...

– Да понял я, – отмахнулся от него полицейский, толстый малый в дешевом пиджаке, с потными подмышками. – Разве ждешь ее, беду-то, так?

– Так, – кивнул согласно Влад.

– Так, – повторила следом за ним Ленка. – Ничто, как говорится, не предвещало...

Да и в самом деле не предвещало, подумал только теперь Влад, пригрозив суровым взглядом некой молодой даме: та распоясалась настолько, что возжелала танцевать. Ничто не предвещало такой трагедии. Нет, конечно, Константин Сергеевич сволочью был порядочной. Но он этой самой сволочью был всю свою сознательную жизнь. И делами всяческими он прежде ворочал куда активнее, нежели в старости. Пару месяцев тому назад, пригласив Влада в баню, он под кружку пива с вяленным лещом отчасти зятю проговорился.

– Не тот я стал... – тесть со вздохом сравнил свой отвисший морщинистый торс с крепким бугристым телом Влада. – Не тот я стал, савраска старей... Бывало-то как...

– Да ладно вам, Константин Сергеевич, – смутился тогда из-за того, что, ощутив зятя взглядом, тесть полез к нему руками. – Вы еще молодцом. Боец, можно сказать!

– Тю-у-у, какой из меня теперь боец, Владик? Так, пыль одна. Давно уже ничего серьезного не рою. Очень давно! Не те времена, не тот народец. Опасно сейчас, в эпоху таких-то там технологий, находить применение моей предприимчивости. Очень опасно стало. Так, знаешь, осталась пара-тройка незавершенных дел, да выеденного яйца-то они и не стоят. Вот с твоей бы помощью, тогда – конечно. Но ты ведь у нас чистоплюй, не так ли?

Влад покрутил шеей, словно ему воротник тесной сорочки на горло давил, хотя сидел он на деревянной банной скамье совершенно голый, лишь простыней прикрытый.

– Вот и я говорю, что прошли те времена... – вздохнул тесть.

За что же их обоих уложили-то? И кто?..

Влад внимательно осмотрел загулявшуюся публику. Публика-то была вся на вид приличная: должностная, ранговая, денежная. Абы с кем Константин Сергеевич дружбы не водил. Дружить он умел насмерть. То есть так прилипал к человеку со своим умасливанием и шутилым шантажом, что тот и рад бы, но отделаться от Иванцова никак не мог.

Кто из них желал и мог его убить? И за что? Какая пара-тройка незавершенных дел тревожила его покойного тестя? Что-то было, точно. И это что-то пропало. Они с Ленкой ничего не нашли. Стало быть, все ЭТО забрал с собой убийца. И ЭТО, интересно, тесть сам отдал или убийца очень постарался, чтобы ему ЭТО отдали?

Синяки и ссадины на теле тестя свидетельствовали о том, что его били. Нет, пыткой это назвать сложно, сказали эксперты. Но избиению подверглись оба – и тесть, и теща.

– Доигрались, – произнес вдруг кто-то вполголоса у Влада над головой.

Он резко дернулся, оборачиваясь, но никого, кроме молодой официантки, за своей спиной не обнаружил.

– Что вы сказали, простите?

– Я? – та оторопело заморгала. – Я ничего не говорила!

– А кто тогда говорил? – он разозлился.

Что эта кукла тут комедию ломает? Он дурак, что ли, совсем? Отчетливо слышал, как кто-то со вздохом произнес у него за спиной – «доигрались». Причем сказано это было так, как будто итог кто-то некий подвел.

– Мужчина, я ничего такого не говорила, – раскрашенная, как апачи на тропе войны, официантка поджала губы, начав с остервенением швырять скомканные бумажные салфетки на поднос. – Я на работе, мне говорить и не положено, и некогда.

– Кто-то только что за моей спиной произнес – «доигрались»! – нервно поводя подбородком, проговорил Влад.

Почему-то вдруг ему показалось, что это может быть важным. Что человек, который многозначительно прошептал это словцо у него за спиной, сделал это не просто так. И почему именно за его спиной? Или... Или за Ленкиной? Она ведь сидит рядом.

– Лен, ты слышала? – дернул он ее за рукав черного траурного платья.

– Что слышала? – Она вздрогнула, поднимая на него пустые невыплаканные глаза.

– Кто-то вполне отчетливо произнес за нашими с тобой спинами – «доигрались»! – достаточно громко, потому что он уже завелся, повторил Влад. – Или ты тоже ни черта не слышала, как и эта?

– Я – не эта! – возмущившись, выдала свистящим шепотом официантка и гневно выпрямилась. – Вы, мужчина, вместо того чтобы оскорблять службу, жене выпить бы налили. На ней же лица нет!

Господи! Господи, почему он выбрал именно этот ресторан?! Что за манеры у этой службы?! И недешево здесь, и душно, и гости с красными рожами после третьей выпитой рюмки сидят. Одной Ленке, кажется, забко. Обняла себя за плечи, трясется вся и смотрит на него с открытым ртом.

– Что, Лен? – Влад со вздохом потянулся к бутылке вина, налил ее фужер до краев, вложил в ледяные пальцы жены, приказал: – Пей.

Она послушно выпила, до самого дна. Отдала бокал ему, но трястись почему-то не перестала.

– Может, еще?

– Хватит с нее уже, – вновь встряла официантка с тяжелым вздохом. – Достаточно, ее сейчас стошнит, наверное. Идемте, женщина, я вас до туалета доведу.

Ленка послушно поднялась с ее помощью. И даже позволила этой хамоватой девке обнять себя за талию. И они мелкими шажками двинулись к выходу из обеденного зала. Но у самого выхода официантка вдруг оглянулась на Влада.

– Мужчина, – позвала она и, когда он обернулся, неуверенно улыбнулась: – Не могу утверждать точно, но кто-то стоял у вас за спиной, когда я подошла к вам с подносом.

– Кто?! – Он почувствовал, что бледнеет.

Ну вот! Он же не параноик! Он отчетливо все слышал. Правда, не смог никого рассмотреть, потому что народ в тот момент рядом задвигался, принявшись вскакивать со своих мест, пересаживаться, выходить в фойе, туалет, покурить.

– Кто это был?

– Не знаю... Не помню... Может, мужчина, а может, и женщина.

Понятно, что не лошадь! Он чуть не фыркнул от злости. Вовремя спохватился. Его гневливая веселость, пусть и саркастическая, может быть воспринята окружающими... неадекватно. Это им положено ржать, рассказывать анекдоты на поминках, тискать женщинам колени под длинной скатертью, назначать им свидания...

Ему нельзя! Он – зять! Он – в числе скорбящих!

– Не помню, не могу сказать. Что-то темное на человеке надето было, мешком сидело, то ли пиджак, то ли кофта, – она продолжила перечислять подробности, которых было негусто, наморщив лоб. – Невысокий какой-то человек – это точно. Но не знаю – мужчина или женщина.

И она потащила Ленку в туалет, на ходу уговаривая ее держаться, а еще бы лучше – поплакать.

Влад посмотрел им вслед, мысленно – мимолетно – покошунствовал, что траур Ленке весьма к лицу. И что несколько дней скорби словно «слизали» с ее тела лишние килограммы, будто их и не было. И тут же вновь переключился на встревожившие его мысли.

Итак, какой-то хрен в мешковатом то ли пиджаке, то ли кофте, черного или просто темного цвета, подкрался к нему – или к ним обоим – сзади и прошептал одно-единственное слово – «доигрались». Владу в этом шепоте уже мерещилось что-то мерзкое и зловещее. Будто этот бесполой человек-невидимка угрожал им – или предупреждал их о чем-то.

Только вот для кого именно из них обоих прозвучало это предупреждение или угроза, для кого?..

Глава 4

У нее совсем не оказалось вещей. Наживала, наживала, на что-то копила, выкраивая из заработной платы, а брать-то с собой оказалось нечего. Из зимних вещей – один короткий полушубок и пара замшевых сапог. Осенняя куртка, как оказалось, никуда не годилась, и Дина без сожаления сунула ее в большой мусорный пакет. Шапок она не носила принципиально, пряча голову от холода под капюшонами. Из летних вещей тоже мало что годилось для того, чтобы забрать с собой «в ссылку». Все подходило больше для офисной жизни. Не станет же она по деревне «рассекать» на шпильках, в юбках «карандаш», в пиджаках в обтяжку, в маленьких черных и синих платяицах и дорогих шелковых брюках? Туда нужно было взять с собой что-нибудь подемократичнее. Какие-то футболки, джинсы, шорты – лето же на подходе. Ветровка не помешала бы. А у нее не было ничего такого. Не тратилась она на такое, поскольку в этом ей никуда было отправляться. Для дома – два халата. Для сна – две пижамы. Отдыха за городом у нее не случалось, она постоянно работала. И даже в выходные торчала за компьютером, предпочитая работу тряске в пыльном загородном транспорте. Да и ехать отдыхать на шашлыки ей было не с кем.

Нет, парни с работы регулярно и с завидным упорством пытались ее завлечь, кто на дачу, кто на озеро – имелся километра в ста от города шикарный водный простор.

Дина от подобных приглашений отшучивалась, потом как-то пару раз все же поучаствовала в массовых выездах. Устала – от приставаний пьяных коллег, от комаров, от неудобных провисших раскладушек в бревенчатых домиках, больше напоминавших амбары. И зареклась иметь дело со всеми этими выездами «на отдых», после которых полноценного нормального передыха требовалось дней десять, никак не меньше. Вот потому она и не тратила деньги на ненужную одежду, а как бы она теперь ей пригодилась!

Дина с сомнением осмотрела две дорожные сумки, наполненные лишь наполовину. Пошарила в шкафах. Ничего вроде не забыла. Перекинула через плечо сумку с документами и деньгами, отперла замок, взялась за ручку двери, потянула ее – и тут же с визгом отпрянула.

Прямо ей на лицо упала сложенная в несколько раз газета с вложенным в нее тугим конвертом – без ее собственного адреса и без адреса отправителя. Осторожно высунув нос из-за двери и убедившись, что на лестничной клетке никто не прячется, никто ее не подстерегает, не хихикает в кулак и не перезаряжает пистолет, Дина вновь нырнула в недра своей квартиры, тщательно запев дверь.

Она швырнула послание, адресованное ей и никому иному – тут и думать было нечего – на журнальный столик, выделенный ей административно-хозяйственным отделом фирмы. Со склоненной к плечу головой она несколько минут это послание внимательно рассматривала, предаваясь идиотским мечтам.

Может, местные баптисты снова активно взялись за ее агитацию, а?! Они уже неоднократно предпринимали попытку пополнить количественно свою паству за ее счет. Может, устав ее уговаривать, они решили свои публикации ей сунуть? Вот сейчас она развернет газету, а там во всю страницу – портрет их «спасителя мира». А в конверте – душеспасительная брошюрка и чистые анкетные листы.

А может, в конверте письмо «счастья», а? Ну, пусть оно там будет, господи! Пусть корявым неверным почерком некто неизвестный призовет ее переписать глупое послание пятнадцать раз и отправить своим друзьям, чтобы через пятнадцать дней в ее жизни случилось счастливое событие. Да она не то что пятнадцать, она сорок, сто сорок все раз перепишет, лишь бы там не было ничего такого...

Было!!! И еще как! Но все – по порядку.

Сначала газета порадовала ее огромным портретом – но не «угодника святого» баптистской паствы, нет. С первой страницы, стоило ей газету развернуть, на Дину глянул Валерий Юрьевич, ныне покойный! Фотография была очень удачной, и ровесником покойника изображенный на снимке человек никак быть не мог. Там Валерию Юрьевичу, навскидку, было лет двадцать пять, никак не больше. Он выглядел удивительно пригожим и смотрел на Дину хорошо, без своеобразного тяжеловесно-вредного, излишне проницательного прищура. Да и волос на голове у ее бывшего босса было поболее, нежели в последние времена.

Под фотографией было напечатано, что такой-то и такой-то был убит выстрелом в голову в собственной квартире, по причине, никому не понятной, поскольку человек он якобы был хороший, неконфликтный, ни в каких темных делах не замеченный. Полиция на сей счет хранит гробовое молчание, версий никаких не выдвигает и своими соображениями ни с кем не делится...

Дина с судорожным всхлипыванием отбросила подальше газету, тут же вспомнив про противных пацанов на скамейке у подъезда. Все подслушали, стервецы, вдруг сдадут ее куда надо? Наверняка и приметы ее уже у сыщиков имеются. А если еще и охранник рот откроет и скажет, что она незадолго до смерти босса клянчила его адрес, то тогда для нее вообще все кончено.

Конверт можно было не распаковывать. Там явно скрывается что-то не лучше этой газеты. Может, там просто другая газетенка – и в ней напечатано про гибель супругов Иванцовых, где она тоже засветилась, мама, не горюй!

Газеты в конверте все же не было, зато там оказались фотографии. Профессиональные, красивые, выхватывающие ее лицо, фигуру, ноги, грудь – в самых выгодных ракурсах и в самые неожиданные моменты.

И когда она к дому Иванцовых подходила, и когда дом тот обходила, и как над трупом Константина Сергеевича склонилась и трогала его рукой – все запечатлела чья-то камера. И еще был снимок, когда она к дому Валерия Юрьевича приблизилась. И как потом с перекошенным лицом оттуда бежала.

– Все! – Дина выпустила снимки из рук и без сил рухнула на стул возле столика. – Это конец!

Кто-то, какая-то сволочь, может быть, даже сам убийца, наблюдал за ней. Вел ее всю дорогу от самой конторы, потому что и такая фотка там была! Все тщательно заснял, проявил и распечатал. дождался газетных публикаций – и прислал ей потом все вместе, рядом.

Только вот зачем?! С какой целью?! С целью шантажа? Так что с нее взять?! У нее всего добра-то – две неполные дорожные сумки. И даже летних вещей толком нет, между прочим! Деньги? Денег у нее тоже почти нет. Пятьдесят тысяч рублей на банковской зарплатной карточке, которые она бережно расходовала, деньгами считать нельзя – для такого-то уроды, с таким-то размахом, это чепуха!

Нет, тут было что-то еще. Что-то еще от нее потребовалось кому-то... Вопрос – что?

Она, конечно, не уродина, далеко не уродина, но представить себе, что какой-то мужчина, прельстившись ее прелестями, начал вдруг убивать людей, заманивать ее в ловушку, потом эту ловушку с лязгом захлопывать, – было очень сложно. Почти невозможно было себе представить такого мужчину! Если, конечно же, он не был законченным психом или маньяком. Что участи ее отнюдь не облегчало – совершенно не облегчало!

Дина растерянно взглянула в прихожую, где сиротливо жались бок о бок ее две дорожные сумки. Есть ли теперь смысл в ее бегстве? Куда ей бежать и – от кого?

Нет, пункт назначения она выбрала, но где гарантия, что этот псих не последует за ней и не станет каждый день снимать ее фотоаппаратом, а то и видеокамерой? Бегство в данном случае – не выход. Пойти в полицию и все рассказать? А что она им расскажет, что?! Что директор послал ее к Иванцовым, передать пустую коробку, что там она обнаружила пару тру-

пов и, вместо того чтобы вызвать полицейских, помчалась напрямик к своему директору? А у директора утешений для нее не нашлось, зато он сам «нашелся» – с простреленной башкой?

Если ее рассказу и поверят и не отправят ее сразу же в камеру, то в психушку-то засунут – непременно и немедленно. Ей самой все произошедшее показалось бредом сивой кобылы, едва лишь она попыталась переложить все случившееся с нею в стройный и достойный слушания рассказ. А что же на все это скажут в органах?..

Дина не помнила, как долго она просидела с неестественно выпрямленной спиной на стуле, смиренно сложив на коленках руки. Может, десять минут, может, час; спина и шея у нее затекли, в пояснице начало покалывать. Может, она и до утра так просидела бы, не позвони кто-то в дверь.

Почему-то она не вздрогнула, не испугалась, а послушно пошла открывать.

Не пришло ей как-то в голову, что за дверью может стоять то самое чудовище, приславшее ей газету и фотографии. Она открыла дверь – и попятилась.

На пороге стоял персонаж всех ее последних десятилетних ночных кошмаров: отвратительно скалился и смотрел на нее без тени добра или сочувствия.

– Привет, дылда, – произнес он сквозь зубы, не переставая растягивать губы в подлой усмешке. – Я войду?

Мог бы и не спрашивать: уже вошел и даже по-хозяйски дверь запер.

– Как жизнь, дылда? – спросил он, осматриваясь в ее тесной прихожей и цепляя бейсболку на крюк вешалки. – Явно, не очень-то... Куда-то собралась? Вижу, сумки собраны у тебя?

Оказывается, он уже прошел в комнату. Пнул по пути ее дорожные сумки, подошел к столику, полистал газету, раскидал длинными пальцами фотографии. По одной из них щелкнул ногтем:

– Вот тут ты особенно хороша, дылда. Кстати, как тебе мои работы?

– Так это... Это ты?!

Странно, что у нее еще сохранилась способность говорить. Причем вполне сносно: она не сипела, не хрипела, слезами не давилась.

– Конечно, я! Кто же еще для тебя так постарается? – фыркнул ее мучитель и уселся, развалившись, на диване. Похлопал рукой рядом с собой: – Ты присаживайся, чего столбом торчать? Больше уж не вырастешь, да и не надо. Ты и так дылда.

– Прекрати, – Дина поморщилась и упорно уселась на стул, стоявший у журнального столика. Кивнула на фотографии: – Значит, и убил всех этих людей тоже ты?

Он дернулся и подскочил, будто через пухлые диванные подушки пропустили ток. Сузил темные глазищи, его губы, щеки, лоб побелели. Минуту, может, чуть дольше, он смотрел на нее, как на гадину. Вдохнул, выдохнул, расслабился и произнес с хохотком:

– А-а-а, ну да, конечно! Я же априори для тебя – убийца! Если в радиусе полумили от меня случается некое преступление, то кто это сотворил? Правильно – Данила Кузьмин! Более достойной кандидатуры нет. У кого папа высокого полета? У кого мама инвалид, а дядя, в свою очередь, военком, – трогать того не смей. А кто просто всяким дылдам улыбаться хорошо умеет, тот и под подозрение попасть не может. Так, дылда?

Она молча пожала плечами, старательно уводя глаза в сторону от Данилы.

Он упрекает ее? Наверное. И, наверное, он имеет на это право. С ее слов, с ее молчаливого согласия с Данилой Кузьминым десять лет тому назад приключилась беда. Правильнее сказать, беда приключилась с его одноклассником, который ухаживал тогда за Диной. Этого паренька компания Кузьмина... убила.

Убийство по неосторожности – такую статью инкриминировали потом Кузьмину. Но Дина-то знала, что не было это убийство проявлением ничьей «неосторожности». Была мерзкая драка пьяных уродов. И даже, что еще более верно, было избиевание одного несчастного

парня пятью пьяными уродами. Кто из них конкретно нанес ему тот смертельный удар носком зимнего ботинка по голове – неизвестно до сих пор. Ей – неизвестно. Тогда Дине казалось, что сделал это именно Данила. Следовательно как-то очень настойчиво к этому клонил... И на суде прокурор тоже почти уговаривал ее быть понастойчивее и поувереннее в своих показаниях.

Она не особо-то старалась, давая эти самые показания. Мямлила что-то неразборчивое, плакала, просила оставить ее в покое. С ней даже случилось что-то вроде обморока. Правда, упав на чьи-то руки, Дина отчетливо видела глаза Кузьмина: он смотрел на нее из-за решетки. Он смотрел на нее так... так неправильно! Как-то слишком уж мягко и без упрека. А потом и вовсе сделал движение губами, будто целовал ее.

Наверняка ее сознание все же сыграло тогда с ней злую шутку. И не мог быть Данила мягким в тот момент и уж тем более посылать ей поцелуй через весь зал суда – не мог. Потому что после суда ее проклинали все: соседи, родители Данилы, ее собственные родители, и даже родители погибшего парня не одобрили ее действий.

– Витю теперь не вернуть, а с Данилой не надо бы так, Диночка, – плакала, встретив ее на улице, мать убитого Витьки. – Ведь десять лет прокурор запросил! Это же вся жизнь! Он, болтают, и не трогал Витю вовсе. Болтают, что в тот момент он как раз за угол... в туалет отошел.

Она этого не помнила. Помнила себя – сидевшую в стылой, перемешанной колесами машин грязной колее. И спины – много спин в темных куртках, движущихся в жутком отвратительном танце смерти. Уроды... они все били и били, кружили и кружили вокруг Вити... Он сначала орал, она орала, и он тоже... Потом он захрипел, а потом и вовсе замолчал. И кто-то крикнул в этот момент:

– Кузьма, ты чего, охренел?!

Кузьмой звали Данилу всегда, сколько она себя помнила. Больше в той гадкой компании ни одного Кузьмы не было и быть не могло. Значит, кричали ему. Почему-то этот ломавшийся от истеричного страха вопль и запомнился ей лучше всего. И когда приехала милиция, а за ней следом и «Скорая», и Дину начали вытаскивать из раскисшего до мерзлой каши снега, она только об этом и помнила. И на вопрос, на самый первый вопрос, который ей задал пожилой оперативник, – кто это сделал? – она ответила:

– Кузьмин... Данила Кузьмин, с компанией.

На «приговорный» день она в суд не пошла. Уехала, не дождавшись итогов суда. Мать с отцом на этом настаивали. Боялись, что отец Данилы самосуд над ней устроит. Грозился он будто на людях так поступить. Так что – от греха подальше – следовало ей уехать.

– Да и людям в глаза смотреть неловко, – призналась мать, укладывая все ее вещи, и летние, и зимние, в огромный баул, который они собирались отправить в багажном отделении поезда. – Шутка ли, моя дочь парня молодого на десять лет в зону упрятала!

О том, что этот парень вместе со своими друзьями отнял жизнь у своего ровесника, мать даже не вспомнила. А когда Дина ей напомнила все же, не выдержав, мать ответила с изумленным выдохом:

– Того-то уже не вернуть! А этому бы только жить и жить...

Дина уехала к своей двоюродной тетке, аж за семьсот верст от дома. Там, как считали родители, ее никто не найдет. Выучилась в институте, родители регулярно присылали ей деньги на учебу. Потом переехала сюда, еще, кстати, дальше от дома. Начала работать. Деньги родители присылать перестали. И звонили не часто, если раз в два месяца – уже хорошо. Звонки их и прежде, и теперь были скорее проявлением вежливого внимания, нежели свидетельством их родительской заботы и любви. Дине, во всяком случае, так казалось.

– Как дела? Как здоровье? – спрашивали либо мать, либо отец, все зависело, кто звонил.

– Нормально, – мямлила она в ответ и первое время после отъезда старательно сглатывала огромный ком в горле, душивший ее, мешавший говорить, выжимавший слезы на глазах.

– А с погодой, с погодой как? – спохватывались родители, если в разговоре возникала пауза. – Не мерзнешь ты там? Вещи теплые есть?

– Нормально все, – так же немногословно отвечала Дина и принималась беззвучно плакать.

– Мы бы приехали, да далеко больно. Отец не выдержит, у него сердце, – это она слышала, если мама звонила.

Если звонил отец, то Дина «узнавала», что мать не выдержала бы дороги по причине высокого давления. Потом ее спрашивали про оценки, если звонили во время сессии. Про дожди, есть ли у нее зонтик и обувь соответствующая? В какой обуви она должна была ходить в большом городе в дождь, Дина не знала. Но вяло отвечала, что у нее все в порядке и что она ни в чем не нуждается.

Кроме любви, конечно. Родительской любви. Этого ей не хватало, и очень остро. Ну, и заботу свою о дочери они могли бы проявлять не так заезженно и обыденно, интересуясь лишь наличием у нее зонта и резиновых сапог.

И только однажды родители позволили себе на шаг отойти от этого протокола. Произошло это почти в самом начале ее трудовой деятельности. Она была измотана переездом, подавлена свалившимися на нее обязанностями ведущего специалиста. Страшно трусила, что не справится. И тут – этот звонок.

Звонила мать. Поздоровалась и, как обычно, начала про погоду, про ее с отцом болячки, про то, что он, невзирая на возраст, по-прежнему засматривается на молодых, а ей это совсем не нравится.

– А кому бы понравилось, так, Диночка? – спросила мать.

– Наверное, – осторожно заметила Дина, зная не понаслышке о ревнивом норове матери.

– Вот! И я о том же! Вчера он вызвался Зинке из соседнего подъезда хлеба из магазина принести. Говорю, с какой это стати? Он в ответ крысится. А у меня нервы не железные. У меня и возраст, и давление, и вообще...

– Ма, ты меня извини...

Дина посмотрела на разбросанные по квартире вещи. Только утром она разобрала коробки, ничего еще не успела разложить по полкам. Пиджаки, юбки, платья, вешалки, колготки – все валялось где попало. Все что-то постоянно ее отвлекало. То кран холодной воды в ванной оказался неисправным, и пришлось вызывать слесаря. То свет не горел в прихожей, и следом за слесарем пришел электрик, да еще и сотню с нее содрал. А завтра снова ей на работу, и опять – к девяти. А по вечерам она уже третий день подряд на службе задерживается, чтобы во все вникнуть. Когда ей вещи-то разобрать?

– А что такое? – сразу насторожилась мать, но насторожилась с явной обидой, что дочь не дала ей выговориться.

– Мне немного некогда. Только переехала, надо разбирать шмотки. Все разбросано.

– Да, милая, это так на тебя похоже, – проговорила мать с упреком, вместо того чтобы предложить свою помощь. – Организовывать что-либо ты никогда не могла... Да, кстати, давно хотела тебе сказать, я тут на днях видела маму Данилы Кузьмина, так вот, она мне такое сказала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.